М. Ковалевскій

КОНСТИТУЦІЯ

гг. ПОРИСЪ-МЕЛИКОВА

„THE RUSSIAN CONSTITUTION"
PROJECTED BY
COUNT LORIS-MELIKOV.
Published by «THE FUND OF THE RUSSIAN FREE PRESS.» — London.

Выпускъ 7-ой Цѣна 3 п. (30 с.—6 ц.)

ЦВ1
К575

КОНСТИТУЦІЯ

ГРАФА ЛОРИСЪ-МЕЛИКОВА

1893.

Изданіе Фонда Русской Вольной Прессы.
ЛОНДОНЪ.

(*All rights reserved.*)

4-ая Тысяча

ИЗДАНІЯ «ФОНДА ВОЛЬНОЙ РУССКОЙ ПРЕССЫ ВЪ ЛОНДОНѢ» а равно и другія запрещенныя для ввоза въ Россію книги, поименованныя въ каталогѣ **Фонда**, можно получать лично и по почтѣ въ книжныхъ складахъ послѣдняго: 1) *W. Voynich*, 3, *Iffley Road, Hammersmith, W., London*, (9 — 1 ч. дня ежедневно); 2) *E. Schulmeister*, 28, *rue de la Glacière, Paris*, (9—12 ч. дня, кромѣ воскресеній). 3) *L. Goldenberg*, 51, *Tribune Building, New-York*. 4) *A. Evalenko*, 20, *Jefferson Street, New-York*.

Изданія Фонда находятся также на коммиссіи у слѣдующихъ книгопродавцевъ и частныхъ лицъ:

ENGLAND.

London. — 1) Dematteo, Coventry Street, W.C.; 2) 39, Old Compton Str., Soho; 3) 31, Charlotte Street, Fitzroy Square; 4) Mr. John Foulger, 13, Paternoster Row, E.C.; 5) Mr. Reeves, 180, Fleet Street, E.C.
Leeds.—Mr. Rothstein, 13, Lady Lane.
Edinburgh.—R. Hunter, 19, George IV Bridge.
Glasgow.—Mr. Mitchell, 105, London Street.
Cardiff.—W. Lewis, Bookseller, Duke Street.

N. AMERICA.

New-York.—Abramovich Bross, 72, News Stand, Corner Canal, Allen Str.
Boston (Mass) —Mr. Slobodkin, 43, Lowell Str.
Chicago (Ill.). — Mr. Bernstein, 549, South Canal Street.

BELGIQUE.

Bruxelles. — Messageries de la Presse, 16, rue du Percil.
Liège. — Librairie Bellence, 8, rue Régence.
Anvers. — Librairie Ackerman, 29, Place Verte.

BULGARIE.

София. — Книжарница Т. Чипевъ.
Казанлыкъ. Книжарница Пенковъ.
Сливенъ. — Редакція «Прогресса».

DEUTSCHLAND.

Berlin. — 1) Behr's Buchhandlung; — 2) Stuhr's Buchhandlung.
Muenchen. — Buchhandlung Weihrauch, 16, Promenade Platz. Bestellungen.
Leipzig. — 1) Kasprovicz, Buchhandlung; 2) «Literarische Anstalt» August Schulze.

(см. на оборотѣ)

„ *THE RUSSIAN CONSTITUTION* “

PROJECTED BY

COUNT LORJS-MELIKOV.

Published by «THE FUND OF THE RUSSIAN FREE PRESS.» — London.

Выпускъ 7-ой Цѣна 3 п. (30 с.—6 д.)

4В1
К 575 Ковалевский, М.М.

КОНСТИТУЦІЯ

ГРАФА ЛОРИСЪ-МЕЛИКОВА

1893.

Изданіе Фонда Русской Вольной Прессы.

ЛОНДОНЪ.

(*All rights reserved.*)

4-ая Тысяча.

8 экз

К.

ЦВ1
к575.

Институт В. И. Ленина
№
Библиотека

~~195 1924~~

Ц11555у

Библиотека
ИМЭЛ

2011
У
83

ЛОНДОНСКІЙ ФОНДЪ ВОЛЬНОЙ РУССКОЙ ПРЕССЫ основанъ нижеподписавшимися лѣтомъ 1891 года при помощи взносовъ, сдѣланныхъ нѣсколькими русскими, имѣющими легальное положеніе въ Россіи. Цѣль его удовлетвореніе ощущаемой въ настоящую минуту въ Россіи потребности въ свободномъ печатномъ словѣ. Изданія фонда будутъ выходить отдѣльными брошюрами не періодически, касаясь какъ злобы дня, такъ и общихъ вопросовъ. Считая будущее русскаго народа результатомъ всѣхъ существующихъ попутныхъ теченій и мнѣній въ Россіи, издатели не намѣрены ограничиваться опубликованіемъ только своихъ личныхъ воззрѣній, но приглашаютъ и другихъ авторовъ, не вполнѣ согласныхъ съ ними, но могущихъ доставить рукописи, цѣнныя по своему фактическому содержанію, или въ какомъ нибудь другомъ отношеніи, принять участіе въ изданіяхъ фонда за своей собственной или псевдонимной подписью. Ко всѣмъ-же тѣмъ, кто живо чувствуетъ въ Россіи униженіе невольнаго молчанія и сознаетъ свой нравственный долгъ по отношенію къ массѣ трудящагося народа, населяющаго русскую территорію, мы обращаемся за посильной помощью средствами и литературнымъ матерьяломъ. Мы охотно беремъ на себя всѣ хлопоты по опубликованію всѣхъ присылаемыхъ намъ цѣнныхъ рукописей и аккуратной доставкѣ въ Россію отпечатаннаго.

Тѣ, кто не имѣютъ съ нами связей черезъ нашихъ друзей въ Россіи, могутъ обращаться къ намъ лично или письменно изъ-за границы. Деньги можно пересылать или переводами черезъ одинъ изъ лондонскихъ либо парижскихъ банковъ, или почтовыми переводами (mandats, postal orders) или ассигнаціями любой страны, въ заказныхъ письмахъ.

КОМИТЕТЪ ФОНДА:

Ф. Волховскій (*F. Volkhovsky, 15, Augustus Road, Hammersmith, London, W.*).

В. Войничъ (*W. Voynich-Kelchevsky, 15, Augustus Road, Hammersmith, London, W.*).

С. Степнякъ (*S. Stepniak, 31, Blandford Road, Bedford Park, London, W.*).

Н. Чайковскій (*N. Tchaykovsky, Harrow, England*).

Л. Шишко (*L. Shishko*, — адресъ парижскаго склада — *Paris, France*).

К.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЕЙ.

Настоящая брошюра почти цѣликомъ состоитъ изъ документовъ, впервые появляющихся въ печати и драгоцѣнныхъ для самыхъ различныхъ партій русской оппозиціи. Что касается политическихъ взглядовъ автора, оцѣнки событій и всего освѣщенія предлагаемаго историческаго матерьяла, то издатели отвѣтственности за нихъ на себя не принимаютъ и высказываются по этимъ предметамъ въ особой брошюрѣ.

I.

Послѣ смерти графа Лорисъ-Меликова присланъ былъ изъ Парижа одинъ изъ членовъ русскаго посольства для наложенія печатей на его письма и бумаги. Тѣ документы, на которыхъ опирается настоящій очеркъ, находятся поэтому въ рукахъ правительства, которому и предоставляемъ удостовѣрить ихъ подлинность. Они никогда-бы не увидали свѣта, если-бы самъ покойный министръ не сообщилъ копій съ нихъ скончавшемуся теперь другу, съ просьбою, чтобы онъ хранилъ ихъ въ своемъ домашнемъ архивѣ и обнародовалъ при первой возможности. «Пусть они лежатъ въ вашихъ бумагахъ; быть можетъ, лѣтъ черезъ двадцать пять, когда отъ насъ пойдетъ уже лопухъ, перейдутъ они въ руки будущаго Бартенева или Семевскаго и ознакомятъ русское общество съ переживаемой нами нынѣ тяжелой эпохой самодурства правительства и холопства подданныхъ». Покойный графъ боялся быть несправедливымъ и поспѣшилъ поставить на поляхъ «большинства». Въ другомъ одновременномъ письмѣ онъ сообщаетъ слѣдующія дополнительныя подробности о судьбѣ имѣвшихся въ его распоряженіи оффиціальныхъ бумагъ и личныхъ замѣтокъ.

«Недѣли двѣ тому назадъ, писалъ онъ 20 октября 1886 года, я уничтожилъ массу записокъ и воспоминаній, набросанныхъ мною за послѣдніе пять лѣтъ; оставилъ въ цѣлости лишь подлинные документы въ бумагахъ и письмахъ, по которымъ будущій собиратель можетъ безпристрастнѣе меня произвести оцѣнку всего происходившаго. Хотя въ означенныхъ бумагахъ находятся свѣдѣнія, говорящія какъ въ мою пользу, такъ и во вредъ, но я не уничтожилъ ни одного листа; долженъ сказать, что за послѣднее время я получилъ какое-то отвращеніе къ мемуарамъ, запискамъ и разнымъ воспоминаніямъ. Изданія этого рода расплодились во множествѣ и обратились въ какой-то шантажъ и самообѣленіе». Только часть этого матерьяла была списана другомъ покойнаго и досталась мнѣ послѣ его кончины. Но вмѣстѣ съ документами уцѣлѣли и нѣкоторыя письма.

Изъ нихъ видно, какъ ревниво относился бывшій диктаторъ къ возстановленію дѣйствительнаго хода событій: «Бѣдное отечество, писалъ онъ, настанетъ-ли когда-либо та вождѣленная пора, когда и русскому, по примѣру другихъ, дозволено будетъ гласно и свободно, выражать свои мнѣнія и убѣжденія, давать свои оцѣнки, не рискуя попасть за это въ число ярыхъ революціонеровъ и сокрушителей основъ государства?»

Эта эпоха, очевидно, не настала еще, и вотъ почему приходится обнародовать бумаги покойнаго за рубежемъ.

На просьбы познакомить своего корреспондента съ различными эпизодами его государственной дѣятельности Михаилъ Таріеловичъ отвѣчалъ то посылкой своихъ докладовъ, то сжатымъ пересказомъ событій, оставшихся, по его выраженію, «за кулисами исторіи»: «они не попали въ оффиціальные бюлетени и потому въ совершенно новомъ свѣтѣ выставляютъ дѣятельность отдѣльныхъ лицъ и цѣлыхъ группъ.»

Имѣющіяся въ нашемъ распоряженіи данныя касаются и хода военныхъ дѣйствій на Кавказѣ, и эпохи назначенія графа Лорисъ-Меликова предсѣдателемъ верховной распорядительной коммиссіи по возстановленію порядка въ управленіи.

«Если достанетъ силъ и здоровья, писалъ онъ того-же 20 октября 1886 года, постараюсь ознакомить васъ и съ командировкой моею въ качествѣ генералъ-губернатора Поволжья по поводу ветлянской эпидеміи, и со временемъ пребыванія моего въ

Харьковѣ генералъ-губернаторомъ». Но силъ и здоровья не хватило, и въ письмахъ и бумагахъ покойнаго не нашлось достаточно данныхъ для характеристики этихъ промежуточныхъ періодовъ его государственной дѣятельности. Въ наши задачи не входитъ, конечно, полная оцѣнка разнообразной и плодотворной по своимъ результатамъ карьеры человѣка, которому Россія обязана и образцовой администраціей Терской области, и ловкимъ рѣшеніемъ крайне запутанныхъ и сложныхъ вопросовъ инородческаго землевладѣнія, и не виданнымъ еще примѣромъ покрытія издержекъ заграничной кампаніи не золотомъ, а обезцѣненными бумажными рублями. Мы не будемъ также говорить о блестящемъ начальствованіи графа Лорисъ-Меликова нашими военными силами на Кавказѣ. Вмѣсто личныхъ оцѣнокъ, не лучше-ли познакомить читателя съ тѣмъ, что самъ графъ думалъ о послѣдней кампаніи. Пусть никто другой, какъ онъ, раскроетъ предъ нами картину закулисныхъ интригъ, такъ долго вредившихъ успѣшному ходу военныхъ дѣйствій.

Знакомство съ тѣмъ, что Лорисъ-Меликовъ говоритъ объ этой эпохѣ своей жизни, раскроетъ намъ тотъ путь, какимъ сложилось въ его умѣ убѣжденіе, что не одно гражданское, но и военное управленіе Россіи нуждается въ радикальной реформѣ, и что эта реформа можетъ быть достигнута только расширеніемъ правъ общественнаго мнѣнія. «Я не коснусь, пишетъ онъ, подробностей войны и не стану излагать вамъ содержанія всѣхъ хранящихся у меня письменныхъ документовъ, которые могутъ послужить цѣннымъ матеріаломъ для иллюстраціи закулисной стороны всего происходившаго. Матеріалы эти со временемъ попадутъ въ печать и ознакомятъ русское общество съ возникавшими на азіатскомъ театрѣ дѣйствій неурядицами и сумбуромъ, благодаря безнаказанности членовъ императорской фамиліи и неразлучно сопровождающей ихъ сволочи-камарильи». Письмо написано нѣсколько дней спустя послѣ постановки памятника послѣдней войны, при чемъ самымъ грубымъ образомъ сказалось забвеніе заслугъ попавшаго въ опалу графа, и не упомянуто было ни разу самое имя дѣйствительнаго начальника кавказской арміи.

Подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ незаслуженной обиды, Лорисъ-Меликовъ пишетъ о томъ, кому всего раньше должно-бы было прійти на умъ все имъ сдѣланное: «Не довѣряя собственнымъ

способностямъ, В. Кн. Михаилъ Николаевичъ охотно подчиняется вліянію всѣхъ окружающихъ и такимъ образомъ является слѣпымъ исполнителемъ желаній и указаній жены своей (женщины достаточно умной, но злой и честолюбивой), докладчиковъ своихъ, адъютантовъ и прочее. А такъ какъ всѣ эти лица руководствуются различными убѣжденіями и домогаются разныхъ и часто противоположныхъ цѣлей, то можно представить себѣ тотъ сумбуръ и ту непослѣдовательность, которыми отличаются всѣ дѣйствія августѣйшаго князя. Эту несомнѣнную истину могутъ засвидѣтельствовать тѣ, которые имѣли съ нимъ дѣло. . . . . .

. . . Въ 1875 году я разстался съ дѣятельною службою на Кавказѣ и для отдыха переѣхалъ за границу. Въ концѣ 1876 года, когда возстаніе въ Босніи и Герцоговинѣ приняло уже широкіе размѣры, и война съ Турціей становилась неизбѣжной, я получилъ въ Висбаденѣ, совершенно для меня неожиданно, телеграмму Великаго Князя, въ которой онъ вызывалъ меня немедленно на Кавказъ для принятія въ командованіе корпуса, предназначавшагося для дѣйствій въ Азіатской Турціи. На восьмой день послѣ полученія телеграммы, я былъ уже въ Тифлисѣ и только тамъ узналъ, что назначеніе мое состоялось по личному выбору Государя, а не по ходатайству Великаго Князя. Назначеніе это озадачило болѣе всѣхъ помощника Его Высочества, князя Мирскаго, и его прихвостня — генерала Павлова — начальника штаба кавказскаго округа, заранѣе мечтавшихъ уже быть полными хозяевами и главными распорядителями на театрѣ военныхъ дѣйствій. Въ этихъ видахъ они заблаговременно распредѣлили даже всѣ должности, какъ по управленію корпусомъ, такъ и по отдѣльнымъ его отрядамъ. Зная то вліяніе, какимъ пользовался князь Мирскій, я легко могъ предвидѣть, что во все время войны мнѣ прійдется имѣть въ немъ весьма ловкаго и яраго противника, — болѣе серьезнаго, чѣмъ сами Турки. — Смѣлый, эффектный и весьма широко надѣленный esprit d'intrigue, князь Мирскій не могъ не видѣть во мнѣ человѣка, преградившаго ему путь къ отличіямъ, славѣ и къ высшимъ государственнымъ должностямъ. Подбить Великаго Князя къ протесту и къ исходатайствованію новаго назначенія, онъ не рѣшался, ибо предчувствовалъ, что за Государемъ стоялъ Милютинъ, который весьма близко зналъ всѣ достоинства и недостатки князя Мирскаго. Попробовалъ было я

самъ заявить Великому Князю, что, такъ какъ военныя дѣйствія еще не начались, то я охотно готовъ отказаться отъ принятія корпуса въ командованіе, если только назначеніе мое не согласуется съ его желаніями. Храбрый фельдмаршалъ до того перепугался этого заявленія, что сталъ божиться и увѣрять, что лучшаго и болѣе подходящаго выбора не могло быть сдѣлано. Пробывъ пять дней въ Тифлисѣ и ознакомясь съ перепискою, я выѣхалъ на кавказско-турецкую границу, а вскорѣ затѣмъ, вслѣдствіе обращеннаго мною категорическаго вопроса къ Великому Князю, я получилъ инструкцію, по которой мнѣ предоставлялись права командира корпуса временно отдѣленнаго отъ арміи. Это было въ ноябрѣ 1876 года, за четыре мѣсяца до объявленія войны. Какъ за это время, такъ равно и полтора мѣсяца послѣ открытія военныхъ дѣйствій, т. е. до прибытія къ войскамъ Великаго Князя съ многочисленною свитою, — я имѣлъ полную возможность свободно и самостоятельно заняться порученнымъ мнѣ дѣломъ.

. . . . . .

Блистательно начавшаяся кампанія, вступленіе всѣхъ трехъ отрядовъ дѣйствующаго корпуса въ предѣлы Турціи, занятіе Баязета и овладѣніе посредствомъ штурма Ардаганомъ возбудили въ Великомъ Князѣ и во всей окружающей его средѣ жажду къ отличіямъ и наградамъ, — и вотъ, 29 мая Августѣйшій Главнокомандующій, сопровождаемый своимъ начальникомъ штаба, артилеріей, инженерами, походною канцеляріею и громадною свитою, прибылъ къ войскамъ подъ Карсъ. Въ порядкѣ служебномъ и по долгу чести, лежащемъ на всякомъ военномъ человѣкѣ, онъ долженъ былъ-бы въ тотъ-же день издать приказъ о вступленіи своемъ въ непосредственное командованіе и распоряженіе войсками. Этимъ приказомъ онъ, такъ сказать, принималъ-бы на себя отвѣтственность во всѣхъ дѣйствіяхъ, какъ успѣшныхъ, такъ равно и неудачныхъ. Какъ показываетъ намъ исторія, война не устилаетъ всего пути сплошными розами. Объ изданіи упомянутаго приказа я дважды просилъ Великаго Князя въ самый день пріѣзда и высказалъ, что Паскевичъ въ 1829 и Муравьевъ въ 1854 годахъ поступили совершенно такимъ-же образомъ; объяснилъ при этомъ, что въ присутствіи главнокомандующаго самое существованіе и особыя права командира отдѣльнаго корпуса являются анома-

ліею. Заявилъ я также, что съ изданіемъ просимаго приказа я обращаюсь въ простаго начальника не отдѣленнаго отъ арміи корпуса и буду въ точности исполнять получаемыя мною свыше приказанія.

Совѣтники Великаго Князя весьма ясно понимали рискованность и невыгоду изданія такого приказа; всѣ пожеланія ихъ клонились къ тому, чтобы успѣшныя дѣйствія относить къ себѣ, а неудачу сваливать прямо на отвѣтственнаго корпуснаго командира. Преслѣдуя эту іезуитскую цѣль, они убѣдили Великаго Князя объявить въ приказѣ, что, прибывъ къ войскамъ, онъ оставляетъ по прежнему всѣ распоряженія и дѣйствія на командирѣ корпуса. Какъ надлежало поступить мнѣ? Выборъ былъ двоякій: или просить о немедленномъ увольненіи меня отъ должности, или-же примириться съ тѣмъ тяжелымъ и неблагодарнымъ положеніемъ, въ которое ставилъ меня приказъ. Подавать въ отставку во время войны равносильно побѣгу съ поля сраженія, и на это едва-ли рѣшится человѣкъ, надѣленный даже желѣзною волею; вотъ почему я принялъ второй способъ. Съ этого дня начинается для меня тотъ томительный періодъ интригъ и зависти, который не прекращался до дня заключенія мира. Двоеначаліе въ одномъ и томъ-же учрежденіи является безсмыслицею, и нельзя даже представить себѣ простой канцеляріи, одновременно подчиненной двумъ распорядителямъ; въ военное время такая двойственность можетъ повлечь за собою пагубныя послѣдствія. Въ составѣ арміи и значительныхъ корпусовъ бываютъ личности, безспорно одаренныя бойкими военными способностями и пригодныя для выполненія весьма сложныхъ военныхъ порученій; но нерѣдко случается, что личности эти, владѣя такими качествами въ тоже время неуживчивы, склонны къ интригамъ, дерзки въ обращеніи съ подчиненными и тому подобное. Недостатки эти могутъ быть устранены и сдержаны лишь при томъ условіи, когда всѣмъ и каждому въ военномъ станѣ извѣстно, что какъ поощреніе, такъ и порицаніе находятся исключительно въ рукахъ единаго начальника. Къ числу вышеупомянутыхъ лицъ я долженъ, къ сожалѣнію, отнести Геймана и Лазарева, замѣчательно способныхъ ближайшихъ моихъ сотрудниковъ. Намѣренныя восхваленія, щедро распускаемыя сформировавшимся подъ флагомъ князя Мирскаго кружкомъ праздной камарильи и разной сволочи, довели дѣло до того, что

Гейманъ сталъ уже совершенно небрежно относиться къ своимъ обязанностямъ, вслѣдствіе чего не настигъ Мухтаръ-пашу при отступленіи его за Соганлугъ, а затѣмъ прозѣвалъ и овладѣніе Эрзерумомъ немедленно послѣ удачнаго Деве-бойнскаго сраженія. Что касается Лазарева, то самохвальство и самообожаніе этого человѣка достигли до такихъ размѣровъ, что послѣ штурма Карса онъ сталъ нахально доказывать, что счастливое занятіе полковникомъ Фадѣевымъ форта Карадагъ, молодецкое овладѣніе генераломъ Рыдзевскимъ форта Арабъ, штурмъ генераломъ Алхазовымъ форта Кафисъ и даже полоненіе генераломъ Ропомъ, Щербатовымъ и полковникомъ Батіевскимъ 14,000 Турокъ, бѣжавшихъ изъ нагорныхъ укрѣпленій, — все это совершилось по личному его указанію и распоряженію. Словомъ, выходило, что всѣ, отъ мала до велика, были обязаны успѣхомъ одному только Лазареву, и что онъ сочинилъ даже планъ атаки Карса. На бѣду Лазарева въ числѣ нѣсколькихъ соревнователей составленія какого-то плана атаки явился грознымъ для него претендентомъ и князь Мирскій, глашатаи котораго проповѣдывали въ главной квартирѣ, что Мирскаго слѣдуетъ наградить орденомъ Георгія 2-ой степени. И что-же? Великій Князь, слѣдуя совѣту своего домашняго ареопага, написалъ Государю и исходатайствовалъ этотъ орденъ Мирскому, не завѣдовавшему на войнѣ никакимъ учрежденіемъ, не командовавшему ни однимъ солдатомъ и просидѣвшему въ ночь штурма въ главной квартирѣ, въ 12 верстахъ отъ мѣста дѣйствія. Неожиданная награда поразила всѣхъ за исключеніемъ камарильи, и нельзя не признать, что насколько Лазаревъ заслуживалъ Георгія 2-ой степени за штурмъ, настолько-же награжденіе Мирскаго являлось вопіющимъ нарушеніемъ справедливости и умаленіемъ значенія самого ордена, для полученія котораго ложатся костьми сотни людей. Въ донесеніяхъ въ Петербургъ, которыя изготовлялись въ главной квартирѣ и подносились на подпись Великаго Князя, старались всячески и весьма ловко обходить мое имя и по возможности не упоминать его. Такъ было поступлено и въ рапортѣ о штурмѣ Карса. Раздосадованный этимъ и бесѣдуя однажды съ Великимъ Княземъ, я поставилъ ему слѣдующій вопросъ: «а что, Ваше Высочество, на кого-бы пала всею своей тяжестью отвѣтственность, если-бы штурмъ Карса былъ отбитъ?» Августѣйшій, не долго думая, брякнулъ

мнѣ: «разумѣется — на командующаго дѣйствующимъ корпусомъ». Я смолкъ и не продолжалъ разговора. . . .

Однимъ изъ самыхъ ярыхъ претендентовъ на взятіе Карса явился, къ огорченію Мирскаго, Лазарева и компаніи, нѣкто Османъ-бей, бывшій маіоръ турецкой службы, ренегатъ и присланный въ дѣйствующій корпусъ въ качествѣ переводчика, какъ отлично знающій арабскій и турецкій языки. Османъ-бей издалъ на французскомъ языкѣ книгу, въ которой доказывалъ, что овладѣніемъ Карса русскіе обязаны исключительно ему одному. Шарлатанъ этотъ разъѣзжалъ по столичнымъ городамъ Европы и читалъ о Карсѣ публичныя лекціи. Незадолго до штурма Карса выѣхалъ, къ счастью, изъ района войскъ дѣйствующаго корпуса генералъ французской службы, графъ де-Курси, своимъ нахальствомъ и болтовнею очаровавшій до такой степени Великаго Князя и Мирскаго, что безъ предварительнаго съ нимъ совѣщанія въ главной квартирѣ не дѣлали ни одного шага. Въ качествѣ прихвостней генерала Курси состояли: полковникъ Винспиръ (адъютантъ Великаго Князя, итальянецъ родомъ, не говорящій по-русски, бывшій адъютантъ неаполитанскаго короля), и генералъ, князь Фердинандъ Витгенштейнъ, перешедшій къ намъ изъ австрійской службы, величайшій авантюристъ и много разъ грабившій русскую казну деньгами и землями. Чтобы закончить, я долженъ назвать еще двухъ лицъ, которыхъ при всемъ желаніи нельзя помянуть добромъ: это — генералъ-лейтенантъ Девель, бывшій начальникъ Ахалцыхскаго отряда, грязный интриганъ, бретеръ замѣчательный, храбрый въ палаткѣ и боязливый въ огнѣ, и назначенный ко мнѣ тифлисскими властями еще до пріѣзда моего изъ Висбадена начальникомъ штаба генералъ Духовской, человѣкъ замкнутый и злой; онъ самъ, по счастью, пожелалъ въ іюлѣ 1877 года, подъ предлогомъ болѣзни, оставить корпусъ и былъ замѣненъ генераломъ Гурчинымъ, человѣкомъ вполнѣ добросовѣстнымъ и честнымъ. За симъ естественно можетъ возникнуть вопросъ, какимъ образомъ при существованіи двоеначалія и интригахъ мы могли достигнуть на азіатскомъ театрѣ войны столь блистательныхъ въ боевомъ отношеніи результатовъ? Отвѣчу на это, что масса начальствовавшихъ лицъ (начальники дивизій, бригадъ, полковъ, батарей и прочихъ учрежденій корпуса) вполнѣ честно и безукоризненно относились къ своимъ обязанностямъ, не

вдаваясь ни въ какія интриги. Не перечисляю поименно всѣхъ почтенныхъ дѣятелей потому только, что это заняло-бы цѣлыя страницы. Что же касается нашихъ доблестныхъ офицеровъ и неподражаемыхъ солдатъ, то мнѣ кажется, что презрѣнная камарилья еще не способна сокрушить или ослабить ихъ прекрасныхъ качествъ.

Были-ли сдѣланы въ продолженіе войны ошибки и какія именно? Ошибокъ мелкихъ или второстепенныхъ, не имѣвшихъ серьезнаго вліянія на общій ходъ событій, совершено было много, какъ мною самимъ, такъ и подчиненными мнѣ лицами. Избѣгнуть ихъ невозможно, — и нѣтъ еще примѣра, чтобы война, какъ-бы побѣдоносна она ни была, не сопровождалась случайными ошибками и недоразумѣніями. Спросите объ этомъ нѣмцевъ, и они подтвердятъ, что въ послѣднюю прусско-французскую войну ими совершено также не мало ошибокъ. Я коснулся этого вопроса съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы выяснить одну крупную, преступную ошибку, совершенную въ самомъ началѣ войны. Дѣлаю это еще болѣе потому, что въ абсолютно деспотическомъ государствѣ нашемъ печать не смѣетъ обсуждать предметъ съ полною откровенностью, если только въ самое дѣло вмѣшанъ прямо или косвенно членъ царской фамиліи. Въ обществѣ и въ военной литературѣ обвиняли часто и продолжаютъ обвинять военное министерство въ томъ, что оно выставило въ началѣ войны слишкомъ недостаточное число войскъ. Обвиненіе это, быть можетъ, имѣетъ полное основаніе въ отношеніи Балканскаго театра дѣйствій, съ которымъ я знакомъ мало, почему и судьею быть не могу. Что-же касается до азіатскаго, то само собою разумѣется, что, если-бы съ открытіемъ войны мы имѣли 15 или 20 батальонами болѣе наличнаго числа войскъ, то задача наша облегчилась-бы въ весьма значительной степени. Разберемъ, можно-ли было достигнуть этого? Всѣхъ войскъ для дѣйствія противъ Турокъ на Кавказѣ назначено было 78 батальоновъ, изъ числа коихъ въ составъ дѣйствующаго корпуса распредѣлены были по тремъ его отрядамъ (Александропольскому, Эриванскому и Ахалцыхскому) 46 батальоновъ, остальные-же 32 батальона, направленные въ Прирiонскій край, не вошли въ составъ дѣйствующаго корпуса и получали всѣ указанія прямо изъ Тифлиса. Такое скопленіе войскъ въ тѣсninной, болотистой и нездоровой мѣстности Рiонскаго края

возникло вслѣдствіе шальной идеи открыть одновременно наступательныя дѣйствія не только тремя отрядами дѣйствующаго корпуса, но и со стороны Ріона — для занятія Кабулета и овладѣнія Батумомъ, котораго, впрочемъ, за непмѣніемъ флота, мы ни въ какомъ случаѣ удержать за собою не могли. Всѣ, кто только понималъ дѣло, просто таки смѣялись надъ этою затѣею, а остряки поговаривали, что война ведется не противъ Турокъ, а противъ Лориса.

Результаты Ріонскихъ попытокъ доказали краснорѣчиво всю нелѣпость задуманнаго предпріятія: мы начали и окончили тамъ войну постыдною неудачею, потерявъ при этомъ массу людей отъ болѣзней. Для защиты Ріонскаго края и для оборонительныхъ тамъ дѣйствій вполнѣ достаточно двадцати батальоновъ, ибо наступательныя дѣйствія, какъ съ нашей стороны, такъ и со стороны непріятеля, представляются тамъ чистѣйшимъ абсурдомъ.

Въ войну 1853—1855 годовъ Омеръ-паша задумалъ было открыть наступательныя дѣйствія изъ Батума съ 60-тысячной арміей, когда у насъ было всего въ Ріонскомъ краѣ 17 батальоновъ, но завязъ въ болотахъ и вынужденъ былъ отступить, потерявъ массу людей, не столько въ бою, сколько отъ болѣзней.

Такимъ образомъ, представлялась полная возможность назначить для оборонительныхъ дѣйствій въ Ріонскомъ краю 22 батальона, а остальные 10 батальоновъ направить въ самомъ началѣ войны въ дѣйствующій корпусъ. Кромѣ этого, въ Терской и Дагестанской областяхъ, вслѣдствіе происходившихъ среди горцевъ волненій, задержаны были независимо отъ мѣстныхъ войскъ, по суетливымъ ходатайствамъ областныхъ начальниковъ, двѣ лучшія боевыя дивизіи — 20-ая и 21-ая. Не подвергая названныя области никакому серьезному риску, возможно было также отдѣлить по одному полку отъ этихъ дивизій, или 8 батальоновъ, хотя-бы въ кадренномъ составѣ, для усиленія состава корпуса. Остающихся 24 полевыхъ батальоновъ и мѣстныхъ войскъ было совершенно достаточно для усмиренія горцевъ.

Всякій, кто близко знакомъ съ бытовыми условіями горцевъ, съ существующею разрозненностью въ ихъ многочисленныхъ обществахъ и отсутствіемъ общаго вождя, поручится головою, что за какія-либо 100,000 рублей легко можно было купить всѣхъ

главарей волненія или возстанія и даже перестрѣлять ихъ. Но, не входя въ подробное разсмотрѣніе этого послѣдняго предположенія, не подлежитъ сомнѣнію, что при болѣе разумномъ отношеніи къ дѣлу составъ дѣйствующаго корпуса могъ быть усиленъ 18-ью батальонами. Для этого Тифлисскимъ властямъ надлежало лишь понять, что объектъ войны былъ не въ трущобахъ Чечни и Дагестана, и что слѣдовало заботиться только о скорѣйшемъ разгромѣ турецкой арміи, ибо, послѣ первыхъ-же серьезныхъ успѣховъ нашихъ въ Турціи, тѣ-же волнующіеся горцы поспѣшили-бы сами переловить подстрекателей и сдать ихъ мѣстному начальству. Ермоловъ, Паскевичъ, Воронцовъ и Муравьевъ взглянули-бы на положеніе дѣла именно въ этомъ смыслѣ, но, къ несчастью, августѣйшій главнокомандующій и ближайшіе его совѣтники оказались способностями своими далеко ниже занимаемаго ими положенія.

Еще съ января 1877 года я сталъ ходатайствовать объ усиленіи войскъ корпуса и три раза возобновлялъ эту просьбу. Отвѣты получались уклончивые и съ туманными обѣщаніями усилить меня немедленно по достиженіи первыхъ успѣховъ въ Ріонскомъ отрядѣ. Въ томительномъ ожиданіи этихъ неосуществившихся успѣховъ пришлось для усиленія дѣйствующаго корпуса двинуть въ августѣ 1877 года форсированнымъ маршемъ двѣ дивизіи изъ Москвы и Саратова.

Посмотримъ теперь, какіе результаты могли быть достигнуты, если-бы вмѣсто 46 батальоновъ, мы открыли наступательныя дѣйствія съ 64 батальонами, иначе говоря, усилили-бы въ самомъ началѣ Эриванскій отрядъ 8-ью, а Александропольскій 10-ью батальонами.

1. Турецкая армія (анатолійская) въ началѣ войны была не готова и далеко не въ томъ составѣ, до котораго она доведена была въ іюлѣ и августѣ, благодаря энергическимъ мѣрамъ, принятымъ Мухтаромъ-пашою. Составъ этой арміи въ августѣ уже удвоился. Это фактъ несомнѣнный и одинаково признанный какъ въ нашихъ, такъ и въ турецкихъ изданіяхъ.

2. Въ періодъ съ апрѣля по августъ изъ всѣхъ трехъ отрядовъ дѣйствующаго корпуса выбыло изъ строя убитыми, ранеными и отъ болѣзней не менѣе шести тысячъ человѣкъ; фактъ этотъ также несомнѣненъ.

Двѣ дивизіи, форсированно двинутыя изъ Москвы и Саратова и совершенно непривычныя къ климату Кавказа, положили на первыхъ-же порахъ въ госпиталѣ отъ трехъ до четырехъ тысячъ больныхъ.

Такимъ образомъ, съ приходомъ двухъ дивизій боевая сила дѣйствующаго корпуса была на десять тысячъ или почти на одну дивизію меньше списочнаго состава. За симъ надлежитъ поставить вопросъ: если съ сентября по ноябрь, открывъ рѣшительныя наступательныя дѣйствія, мы смогли разгромить турокъ, уже удвоившихъ съ апрѣля по августъ свои силы, то по какой логикѣ можно допустить, чтобы тѣ-же наши войска и съ тѣми-же начальниками не съумѣли-бы одолѣть непріятеля, если-бы война была начата не въ скромномъ составѣ 46 батальоновъ, а 64 и даже 60 батальоновъ? Не знаю, къ какимъ увертками прибѣгнутъ бывшіе распорядители войскъ, чтобы оправдаться въ содѣланной ими непростительной ошибкѣ. Если по общимъ понятіямъ выигрышъ во времени составляетъ капиталъ, то тѣмъ болѣе на войнѣ. За доказательствами не нужно ходить далеко. Съ апрѣля по декабрь мы нанесли турецкой арміи рядъ ударовъ, отняли Ардаганъ, Карсъ, заняли громадныя пространства Карскаго и Ольтенскаго пашалыковъ, Алашкертъ и долину Ефрата. Если-бы всѣ эти успѣхи были достигнуты въ первые три мѣсяца, т. е. до іюля, то Блистательная Порта поставлена была-бы въ безъисходное положеніе. Вся турецкая армія комплектуется и снабжается почти исключительно изъ азіатскихъ провинцій. Всѣмъ извѣстно, что Турки считаютъ себя въ Европѣ, такъ сказать, гостьми. Потеря въ Азіи опорныхъ пунктовъ и лучшихъ провинцій вынудила-бы Порту не усиливать своей балканской арміи, а, напротивъ, поспѣшно вернуть войска съ тѣхъ-же Балканъ для спасенія своей житницы. Такое убѣжденіе составилось и окрѣпло во мнѣ какъ вслѣдствіе тридцатилѣтняго изученія мною Азіятской Турціи, такъ и подъ вліяніемъ тѣхъ продолжительныхъ бесѣдъ, которыя довелось мнѣ вести разновременно въ Константинополѣ и Эрзерумѣ съ турецкими государственными дѣятелями, а между ними встрѣчаются иногда люди далеко неглупые... Офиціальная сторона войны будетъ изображена еще во многихъ изданіяхъ и запискахъ, но кому будетъ дозволено ознакомить наше общество съ закулисной стороной дѣла, съ цѣлью оградить въ будущемъ отъ повторенія тѣхъ-

же злыхъ ошибокъ? Запретъ, конечно, не имѣлъ-бы мѣста, если-бы всѣ дѣятели прошлой войны принадлежали къ числу простыхъ смертныхъ, но во главѣ стоялъ одинъ изъ членовъ царской фамиліи; гласное его порицаніе, по существующимъ у насъ дикимъ обычаямъ, будетъ признано за crime de lèse Majesté.»

Приведенное почти цѣликомъ письмо интересно не только потому, что бросаетъ яркій свѣтъ на многія далеко еще не выясненныя событія прошлой войны, но и потому, что указываетъ намъ на причины, заставившія графа Лорисъ-Меликова, задолго до занятія имъ высшаго государственнаго поста, прійти къ убѣжденію, что насущнѣйшіе интересы націи постоянно будутъ приносимы въ жертву, пока къ ихъ обсужденію не будутъ допущены члены общества, пока не будетъ дарована большая свобода печати, пока фаворитизмъ и интрига не найдутъ удержи въ публичности и гласности, въ сознаніи неминуемой и ближайшей отвѣтственности передъ общественнымъ мнѣніемъ.

Занятіе графомъ Лорисъ-Меликовымъ поста генералъ-губернатора въ Харковѣ только укрѣпило его въ этой увѣренности, раскрывши ему глаза на то, что дѣйствительнымъ источникомъ всѣхъ несгроеній въ нашемъ гражданскомъ быту является тотъ-же безконтрольный произволъ случайныхъ и невсегда удачно выбранныхъ администраторовъ, то-же недовѣріе къ обществу и руководящимъ имъ органамъ, то-же огульное отнесеніе всякаго недовольства и всякаго протеста къ государственной измѣнѣ. Намъ передавали со словъ покойнаго министра, что первое выслушанное имъ предложеніе клонилось ни болѣе ни менѣе, какъ къ тому, чтобы разгромить университетъ и суды, наложить опалу на лучшихъ профессоровъ, выслать сотни студентовъ. Предложеніе это исходило отъ теперешняго петербургскаго градоначальника и тогдашняго харьковскаго губернатора генерала Валя. Исходъ его былъ совершенно неожиданъ для ревниваго администратора. Выслушавъ спокойно его докладъ, графъ Лорисъ-Меликовъ такъ-же спокойно выразилъ своему непрошенному совѣтнику убѣжденіе въ невозможности служить совмѣстно.

Многимъ памятно еще то тяжелое чувство, съ какимъ встрѣчено было созданіе временныхъ генералъ-губернаторовъ. И надо сказать, что происходившее въ Одессѣ далеко не было направлено къ тому, чтобы ослабить это чувство. Призывъ ни въ чемъ неповин-

ныхъ профессоровъ и выслушиванье ими отъ генерала Панютина, которому герой Севастополя, неизвѣстно почему, предоставилъ самыя широкія полномочія, такихъ назиданій, какъ тѣ, какимъ подвергся профессоръ Дювернуа, обѣщаніе немедленной высылки за дѣйствія, которыя доказывали только готовность держаться строго университетскаго устава 1863 года, начальническій тонъ и отдававшія казармой остроты, очевидно, не могли породить ни въ учебномъ персоналѣ, ни въ членахъ несмѣняемой магистратуры увѣренности, что они не сдѣлаются жертвой доноса перваго встрѣчнаго, не поплатятся прекращеніемъ своей карьеры, подчасъ даже административной высылкой за честное слово и служебную добросовѣстность. Къ чести Лорисъ-Меликова надо сказать, что за время его генералъ-губернаторства городскія думы и земскія собранія, университетъ и суды продолжали дѣйствовать по прежнему, — и никакихъ смѣнъ не послѣдовало ни въ персоналѣ избранныхъ администраторовъ, ни въ личномъ составѣ профессоровъ и судей.

Доброй славой, пріобрѣтенной имъ умѣніемъ сохранить законность, при осуществленіи диктаторской власти, надо объяснить то общее довольство, какимъ сопровождалось извѣстіе о назначеніи графа своего рода вице-императоромъ, и то нескрываемое раздраженіе, съ какимъ принято было, даже въ такъ называемыхъ либеральныхъ кружкахъ, извѣстіе о покушеніи на его жизнь. Лорисъ-Меликовъ разсказывалъ о неудачномъ предстательствѣ, сдѣланномъ имъ предъ государемъ съ цѣлью спасти жизнь того фанатика, который своимъ выстрѣломъ хотѣлъ не столько упразднить диктатора, сколько протестовать противъ диктатуры. Никакія настаиванья не помогли: Александръ II, недавно сложившій свои полномочія въ чужія руки, думалъ показать примѣръ твердости, настаивая на немедленной казни виновнаго. Эта казнь расхолодила многихъ. Ее приписали мстительности Михаила Таріеловича, и, еслибъ не послѣдовавшая вскорѣ отставка графа Толстого, на которую государь согласился только въ виду настояній Лорисъ-Меликова, ему едва-ли удалось-бы вернуть къ себѣ общее довѣріе.

Изъ этой эпохи, такъ сказать, подготовительной дѣятельности къ задуманному имъ политическому обновленію Россіи, едва-ли не самымъ блестящимъ по результатамъ надо признать учрежденіе

сенаторскихъ ревизій и выработку обстоятельной программы тѣхъ вопросовъ, по которымъ правительство искало для себя новыхъ свѣдѣній и указаній отъ этихъ своего рода enquêteurs или missi dominici. Такъ какъ этотъ документъ никогда еще, за исключеніемъ немногихъ отрывковъ, не появлялся въ печати, то я считаю полезнымъ воспроизвести здѣсь тѣ части его, которыя показываютъ честное желаніе тогдашнихъ правителей раскрыть дѣйствительный источникъ внутреннихъ нестроеній и выяснить причины успѣха революціонной пропаганды. Передо мною лежитъ копія «Особаго наставленія сенаторамъ, назначеннымъ по высочайшему повелѣнію для производства общей ревизіи въ губерніяхъ: Казанской, Костромской, Воронежской, Тамбовской, Кіевской, Черниговской, Саратовской и Самарской». Предметы, по которымъ правительство ищетъ указаній отъ ревизоровъ, распредѣлены по слѣдующимъ группамъ: 1) По вѣдомству министерства внутреннихъ дѣлъ; 2) судебному вѣдомству; 3) вѣдомству государственныхъ имуществъ; 4) вѣдомству народнаго просвѣщенія. Въ первомъ отдѣлѣ отмѣтимъ слѣдующія статьи, въ самой редакціи которыхъ не трудно открыть отраженіе личныхъ взглядовъ Лорисъ-Меликова. «Какое вліяніе на настроеніе умовъ, гласитъ вторая статья, имѣла и имѣетъ система административныхъ высылокъ вообще и въ особенности высылки неблагонадежныхъ въ политическомъ отношеніи? Требуетъ-ли эта система какихъ-либо измѣненій, и какихъ именно?» Ставя этотъ вопросъ, правительство налагало руку на одну изъ тѣхъ язвъ, которыя всего болѣе возстановляли противъ него общественное мнѣніе, вербуя нигилистамъ, если не союзниковъ, то людей, втайнѣ имъ сочувствовавшихъ и готовыхъ выручить ихъ изъ нужды, даже въ средѣ тѣхъ постепеновцевъ, къ которымъ принадлежало большинство руководящихъ силъ въ печати, въ высшемъ преподаваніи, въ судахъ, земскомъ и городскомъ самоуправленіи, въ средней школѣ и во всемъ культурномъ классѣ.

Третьей статьей предлагалось ревизорамъ «удостовѣриться въ настроеніи умовъ крестьянскаго населенія, узнать были-ли за послѣднее время волненія, чѣмъ они вызваны и какія мѣры приняты къ ихъ прекращенію.» Надлежало «обратить особое вниманіе на то, не замѣчается-ли въ крестьянахъ толковъ о новомъ надѣленіи ихъ землею, о такъ называемомъ въ Великороссіи,

черномъ передѣлѣ, а въ Малороссіи — слушномъ часѣ».

Правительство не ограничивалось общей постановкой вопроса и входило въ разныя детали недавно возникшихъ земельныхъ затрудненій. Такъ, въ Кіевской губерніи посланному для ревизіи сенатору поручалось обратить вниманіе на тѣ безпорядки, которые производитъ между крестьянами коштное, т. е. производимое на общій счетъ межеваніе. Совѣтовалось изучить современное положеніе дѣлъ о чиншевикахъ (или наслѣдственныхъ арендаторахъ-крестьянахъ) и выяснить, насколько отношеніе мѣстныхъ властей къ этимъ дѣламъ можетъ быть признано правильнымъ.

Въ Черниговской губерніи предстояло вникнуть въ положеніе вопроса объ обязательномъ размежеваніи земель и выяснить встрѣчающіяся на практикѣ затрудненія, а также обратить вниманіе на производящееся по особымъ правиламъ разграниченіе крестьянскихъ угодій отъ помѣщичьихъ. «Производство этихъ разграниченій, значится въ инструкціи, вызываетъ нерѣдко волненія и безпорядки въ средѣ крестьянъ». Спрашивалось поэтому, нѣтъ-ли необходимости измѣнить порядокъ производства подобныхъ дѣлъ въ черниговской межевой палатѣ.

Правительство не закрывало глазъ на «замѣчаемый въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ упадокъ народнаго благосостоянія и нравственности» и требовало отъ сенаторовъ указанія ему возможныхъ мѣръ къ устраненію причинъ такого упадка, принимая во вниманіе различіе въ положеніи бывшихъ помѣщичьихъ и государственныхъ крестьянъ. Оно желало узнать «причины накопленія недоимокъ, положеніе крестьянъ, получившихъ въ даръ четвертной надѣлъ, средства, какими можно облегчить крестьянамъ пріобрѣтеніе земли въ полную собственность, способы къ облегченію и урегулированію переселеній».

Не упраздненіе, а наоборотъ, подъемъ дѣятельности земскихъ собраній заставлялъ предвидѣть предложеніе раскрыть причины, по которымъ земство не отвѣчаетъ вполнѣ возложеннымъ на него ожиданіямъ, и изыскать мѣры, которыя могли-бы оживить его и поставить въ соотвѣтствующее положеніе въ ряду губернскихъ учрежденій. «Указываютъ, значится въ инструкціи, какъ на причину неуспѣха дѣятельности земствъ, на недостаточность ихъ состава въ качественномъ отношеніи, на несочувствіе къ земству правительственныхъ лицъ и учрежденій, на ограничен-

ность ихъ круга дѣятельности, на затрудненія, какія встрѣчаетъ она по предметамъ, которые-бы требовали соглашенія земствъ сосѣднихъ уѣздовъ или губерній, на стѣсненія въ гласности, на недостатокъ средствъ. Степень правильности этихъ указаній, прибавляетъ инструкція, требуетъ тщательной провѣрки. Такая провѣрка можетъ выяснить, не зависитъ-ли недостаточность личнаго состава земствъ отъ существующаго порядка земскаго представительства и производства выборовъ; нельзя-ли расширить участіе земствъ въ рѣшеніи дѣлъ, касающихся мѣстныхъ хозяйственныхъ потребностей, «можетъ-ли быть изыскана удобная форма для совмѣстныхъ сужденій земствъ разныхъ губерній по такимъ вопросамъ, которые-бы требовали совокупныхъ мѣръ, какъ-то — по прекращенію эпидемій или эпизоотій, по борьбѣ съ вредными насѣкомыми, по устройству пограничныхъ мостовъ и переправъ; не должна-ли быть допущена большая гласность въ опубликованіи журналовъ земскихъ собраній и тому подобное».

Включая эти вопросы въ программу дѣятельности посылаемыхъ на мѣста ревизоровъ, правительство доказывало готовность отнестись съ должнымъ уваженіемъ къ голосу общественнаго мнѣнія, давно требовавшаго, насколько это было примиримо со стѣсненнымъ положеніемъ печати, и большей публичности, и большаго единодушія въ мѣрахъ, принимаемыхъ отдѣльными земствами, а также большей поддержки ихъ дѣятельности правительственными органами. Такимъ образомъ, сами условія жизни наталкивали и мѣстныхъ, и общихъ администраторовъ на мысль о необходимости не ограничивать сферу представительства границами отдѣльныхъ губерній и подготовить созданіе въ будущемъ общей земской думы. На нее, разумѣется, нѣтъ еще и намека въ текстѣ разсматриваемаго нами документа, но тотъ ходъ мыслей, какому слѣдуютъ его составители, необходимо долженъ былъ привести ихъ къ сознанію, что соглашеніе между земствами необходимо для предупрежденія не одной холеры или чумы, но и другихъ, если не столь внезапныхъ, то не менѣе тяжкихъ бѣдствій.

Въ виду предстоящаго введенія налога на соль и сложенія подъ сукно недавнихъ законовъ о фабричной инспекціи, не безъинтересно отмѣтить присутствіе въ особомъ наставленіи сенаторамъ слѣдующихъ статей по финансовому управленію.

Статья 29.—«Уяснить, составляетъ-ли акцизъ съ соли причину,

Библиотека Института В. И. Ленина
4115-55

препятствующую употреблению ея на кормъ скоту, и можно-ли ожидать значительнаго удешевленія соли отъ отмѣны этого акциза».

Статья 30.— «Обратить вниманіе на положеніе ремесленнаго, фабричнаго и заводскаго населенія и выяснить, насколько необходимы законы, опредѣляющіе возрастъ рабочихъ и продолжительность дневной и ночной работы».

Переселенческій вопросъ и вопросъ о евреяхъ также должны были, повидимому, получить разумное, единственно возможное рѣшеніе въ смыслѣ расширенія свободы передвиженія и осѣдлости. Сенаторамъ ставилась на видъ необходимость указать, насколько паспортная система препятствуетъ передвиженію населенія, нуждающагося въ заработкахъ на сторонѣ, и насколько велики злоупотребленія и поборы при выдачѣ паспортовъ.

Имъ приглашали также разсмотрѣть, не указываетъ-ли самый характеръ промышленной и торговой дѣятельности евреевъ на необходимость измѣненій въ законодательствѣ.

Довѣріе къ обществу сказывалось въ просьбѣ собрать практическія указанія и отзывы о томъ, насколько возможно привлечь съ успѣхомъ мѣстныя земскія учрежденія, а также частныхъ лицъ къ совокупной дѣятельности съ министерствомъ государственныхъ имуществъ по предметамъ сельскохозяйственныхъ нуждъ. Самъ ближайшій виновникъ затѣянной ревизіи, графъ Лорисъ-Меликовъ, старался всячески выяснить себѣ возбужденные ею вопросы, обращаясь къ спеціалистамъ за нужными указаніями и получая нерѣдко цѣлые мемуары по самымъ разнообразнымъ матеріямъ. Въ нашихъ рукахъ имѣется, между прочимъ, докладная записка, представленная графу Лорисъ-Меликову Самуиломъ Соломоновичемъ Поляковымъ и касающаяся жгучаго вопроса реформы дѣйствующаго законодательства о его единовѣрцахъ.

«Правительство, читаемъ мы въ этомъ интересномъ документѣ, всегда стремилось обрусить евреевъ и сдѣлать ихъ въ полномъ смыслѣ слова русскими гражданами, но до сихъ поръ всѣ предначертанія правительства не достигали надлежащей цѣли. Вмѣсто уничтоженія спеціальныхъ постановленій о евреяхъ и объединенія ихъ подъ общими государственными законами съ кореннымъ населеніемъ создавались все новыя спеціальныя законоположенія, которыя искусственно и насильственно разъединяли и обособляли евреевъ отъ кореннаго русскаго населенія. Руководствуясь

исключительно мыслью о совершенномъ слiяніи трехъ-четырехъ милiоновъ еврейскаго населенія съ русскимъ народомъ, стремясь содѣйствовать тому, чтобы русскіе евреи сдѣлались полезными и достойными гражданами, я позволяю себѣ указать на мѣры, которыя необходимы для осуществленія на дѣлѣ завѣтныхъ мыслей правительства объ обрусѣніи. Прежде всего необходимо предоставить евреямъ возможность повсемѣстнаго жительства въ Россіи. Можно съ увѣренностью сказать, что съ предоставленіемъ евреямъ «свободнаго воздуха», уже въ первые десять-двадцать лѣтъ значительная часть подростающаго поколѣнія сдѣлаются русскими по духу и сердцу. Меламеды, какъ особый классъ еврейскихъ учителей, несомнѣнно отжили свой вѣкъ, но существованіе ихъ искусственно поддерживается скученностью евреевъ въ чертѣ ихъ осѣдлости. Этому содѣйствуетъ также выдача меламедамъ за плату установленныхъ свидѣтельствъ отъ правительства. Этимъ масса евреевъ вводится въ заблужденіе и привыкаетъ думать, что меламеды рекомендуются ему самимъ правительствомъ. Всякое дальнѣйшее снабженіе меламедовъ такими свидѣтельствами должно быть поэтому прекращено. Для отвлеченія-же подростающаго поколѣнія (около 300,000 человѣкъ) отъ меламедовъ и предоставленія ему средствъ научиться русской грамотѣ, необходимо открыть въ возможно большемъ числѣ общія народныя школы, въ которыхъ дѣти евреевъ обучались-бы по возможности вмѣстѣ съ русскими.

«Необходимо также уничтожить всѣ особые сборы съ евреевъ, какъ-то: коробочный, свѣчной и прочее. Во-первыхъ, эти сборы ложатся всею своею тяжестью спеціально на бѣдствующій классъ; во-вторыхъ, они только поддерживаютъ разъединеніе евреевъ съ кореннымъ населеніемъ. Въ связи съ этимъ необходимо уничтожить всѣ существующія раздѣленія между еврейскими и русскими общинами во всемъ, что касается гражданскихъ дѣлъ и порядковъ, сохранивъ особыя учрежденія для евреевъ лишь по дѣламъ духовнымъ и благотворительнымъ». «Этими мѣрами, прибавляетъ Поляковъ, снимутся вѣковыя оковы, заграждающія евреямъ прямой и правильный путь къ слiянію съ русскими».

II

Только послѣ кончины Александра II обнародованы были заграницей при ближайшемъ участіи княгини Юрьевской любопытныя данныя касательно подписки покойнымъ государемъ акта, долженствовавшаго положить начало политическому обновленію Россіи.

Самъ графъ Лорисъ-Меликовъ не заблуждался насчетъ недостаточности тѣхъ уступокъ, какія въ этомъ актѣ правительство дѣлало общественному мнѣнію; онъ не смотрѣлъ на предложенную имъ реформу, какъ на нѣчто окончательное, и видѣлъ въ ней только первый шагъ къ сближенію высшей администраціи съ представителями отъ земства. Онъ надѣялся, что взаимное довѣріе несомнѣнно послѣдуетъ отъ такого сближенія, что самъ государь убѣдится въ той поддержкѣ, какую въ дѣлѣ успокоенія умовъ и внутренней реформы готова оказать ему такъ глубоко преданная престолу русская земля.

Мы не скроемъ, что въ нашихъ глазахъ предложенная мѣра не вполнѣ отвѣчала даже тѣмъ скромнымъ цѣлямъ, какія имѣлись въ виду при ея проведеніи. Намъ кажется, что тотъ путь, на который, повидимому, готово было вступить правительство, подымая въ инструкціи ревизующихъ сенаторовъ вопросъ о соглашеніи земствъ, былъ несравненно правильнѣе и цѣлесообразнѣе, что, стоя на этомъ пути, всего естественнѣе было предложить созывъ спеціальныхъ делегатовъ отъ уѣздныхъ земскихъ собраній, хотя-бы съ совѣщательнымъ голосомъ. Эти избранные уѣздами представители въ большей мѣрѣ, чѣмъ назначенные губернскими земствами нотабли, могли-бы удостовѣрить передъ государемъ потребности и нужды ихъ края и столковаться между собою о практическихъ мѣрахъ къ ихъ удовлетворенію.

Оставляя за государственнымъ совѣтомъ права высшаго правительственнаго учрежденія и требуя солидарности отъ членовъ свободно назначаемаго имъ министерства, правительство, разумѣется, нисколько не посягало на тѣ основы самодержавія, сохраненіе которыхъ въ цѣлости Александръ II считалъ долгомъ своей чести. Насъ поражаетъ поэтому, что предложеніе графа Лориса-

Меликова—создать при государственномъ совѣтѣ общую коммиссію изъ земскихъ дѣятелей и свѣдущихъ людей, частью по избранію, частью по назначенію отъ правительства, и потребовать отъ членовъ министерства общей программы и солидарности дѣйствій—могла вызвать со стороны Александра II заявленіе: «Да, вѣдь, это états généraux». Послѣ болѣе зрѣлаго обсужденія государь не нашелъ причинъ медлить долѣе съ обнародованьемъ акта, который, не сокращая нисколько его единодержавія, оставляя за нимъ полноту государственнаго суверенитета, только обезпечивалъ ему возможность совѣта и содѣйствія со стороны выдающихся мѣстныхъ дѣятелей. Рѣшено было обнародовать этотъ уже скрѣпленный государемъ актъ, когда послѣдовала катастрофа 1-го марта. Виля въ ней печальный исходъ тѣхъ недоразумѣній, которыя со времени покушенія Каракозова постепенно возникли между царемъ-освободителемъ и русскимъ народомъ, ждавшимъ отъ него завершенія реформъ и созданія общей земской думы, печать, въ лицѣ лучшихъ своихъ органовъ, оплакивая кончину столь несчастно погибшаго монарха, сочла долгомъ своимъ поставить на видъ его преемнику необходимость исполнить волю родителя и удовлетворить исконному желанію націи — имѣть голосъ въ обсужденіи собственныхъ дѣлъ. Но не такъ старались представить Александру III дѣйствительное положеніе страны и сущность требованій, предъявленныхъ органами общественной мысли, ближайшіе совѣтники императора. Господинъ Побѣдоносцевъ, которому, какъ извѣстно, удалось объяснить своему державному ученику мистическій смыслъ повиновенія не только въ законъ, но и за совѣсть, не остановился передъ мыслью оклеветать всю прессу, приписывая ей тайное сочувствіе цареубійцамъ.

«Ваше императорское величество», писалъ онъ государю 3-го марта 1881 года, ходатайствуя о сооруженіи часовни на томъ мѣстѣ, гдѣ убитъ былъ Александръ II, «пусть шумитъ вокругъ проклятая петербургская интеллигенція со всѣми ея безумными звонцами; тутъ будетъ святая тишина для русскаго сердца».

Лжелибералъ Чичеринъ, характеризуя въ особой докладной запискѣ, поданной графу Милютину, положеніе печати вслѣдъ за событіемъ 1-го марта, также считалъ возможнымъ порицать ее за честное высказываніе своихъ взглядовъ на необходимость созвать народное представительство. «Тѣ, писалъ онъ, которые вслѣдъ за

катастрофой заговорили о свободныхъ учрежденіяхъ, забывали, что власти необходимо прежде всего показать свою энергію, доказать, что она не свернула своего знамени передъ угрозою. Монархическій порядокъ совмѣстенъ со свободными учрежденіями лишь тогда, когда они являются плодомъ мирнаго развитія, спокойной инициативы самой верховной власти.»

Господинъ Чичеринъ снисходилъ, однако, къ признанію, что «сквозь ложь притворнаго либерализма» въ заявленіяхъ нашей передовой печати есть извѣстная доля истины. Но эта истина на его взглядъ сводилась къ провозглашенію необходимости «обновить административные порядки.» «Противъ организованной революціи, писалъ онъ, должна стоять крѣпкая правительственная власть; организаціи можно противопоставить только организацію. Именно ея то и нѣтъ въ нынѣшнемъ государственномъ управленіи. Въ немъ нѣтъ ни единства руководящей мысли, ни единства дѣйствій. . . При отсутствіи правильныхъ органовъ для настоящаго общественнаго мнѣнія, благодаря усиліямъ тенденціозной печати и немногихъ фразеровъ, въ немногихъ земскихъ собраніяхъ поднимается аграрный вопросъ, чрезвычайно опасный въ виду успѣховъ соціализма. Въ самой администраціи либеральные и иностранные чиновники сочувствуютъ движенію. . . При такомъ отсутствіи системы въ высшемъ управленіи, его частое обращеніе къ земству служитъ ему малымъ подспорьемъ.» Бывшій московскій профессоръ справедливо отмѣчалъ отсутствіе всякой солидарности между членами высшей администраціи. «Никакими циркулярами о взаимномъ содѣйствіи тутъ помочь нельзя, ибо когда-же циркуляры создавали единство дѣйствій? Единство дается согласіемъ высшей администраціи, одинаковостью направленія всѣхъ министровъ, которые имѣютъ общую программу и видятъ въ ней свою собственную мысль; но у насъ это не только не требуется, но даже считается возможнымъ ввѣрять исполненіе политической мысли именно тѣмъ лицамъ, которыя ея не раздѣляютъ.» По этимъ уже отрывкамъ можно судить, что въ глазахъ автора трактата «О народномъ представительствѣ» все дѣло сводится не къ надѣленію общества правомъ голоса, а къ усиленію правительственнаго вліянія установленіемъ солидарности между министрами. Этому-же усиленію должно содѣйствовать и упоминаемое имъ «освѣженіе» высшихъ государственныхъ учрежденій. «Въ обществѣ,

пишетъ онъ, развилось направленіе, которое принято называть конституціоннымъ. Это слово испугало многихъ. Понятно, что въ отпоръ этому направленію возникла партія, враждебная всякой перемѣнѣ, способной будто-бы расшатать государственный строй. Указываютъ на незрѣлость русскаго общества, на его неспособность къ представительнымъ учрежденіямъ. Если-бы дѣло шло о настоящемъ народномъ представительствѣ, то съ этимъ можно было-бы согласиться. Особенно въ настоящее время, когда мятежная шайка (едва-ли. впрочемъ, искренно) поставила на своемъ знамени конституцію, верховной власти нельзя безъ ущерба для своего достоинства отвѣчать на угрозы уступками.

Толки о представительствѣ вызваны у насъ вовсе не стремленіемъ ограничить самодержавіе. Въ Россіи большинство не ищетъ ни большей личной свободы, ни гарантій противъ власти; той общественной свободы, которой у насъ пользуется гражданское лицо, совершенно достаточно. Въ совѣтахъ власти призвать къ содѣйствію выборныхъ людей сказывается иное побужденіе, по крайней мѣрѣ у тѣхъ, кто не примѣшиваетъ къ общественному дѣлу личныхъ цѣлей. Русское общество чувствуетъ, что въ виду усложняющихся интересовъ и грозящихъ опасностей правительству необходимо найти лучшія орудія, и что оно найдетъ ихъ только въ его содѣйствіи... Для борьбы съ анархіей нужна ясная мысль, энергія и способныя орудія, а гдѣ найти все это, когда власть сама не сомнѣвается, что бюрократическій порядокъ окончательно доказалъ свою несостоятельность. Даже для образованія однороднаго и единаго правительства нужно сближеніе съ обществомъ. . . Остается вопросъ, въ какой формѣ произойдетъ это обращеніе къ обществу. Правительство можетъ или вызывать экспертовъ по выбору земскихъ собраній для разсмотренія отдѣльныхъ вопросовъ, или дать выборнымъ лицамъ участіе въ законодательныхъ работахъ государственнаго совѣта.

Очевидно, что для полнаго переустройства администраціи послѣдній способъ предпочтительнѣе. Но если такой шагъ былъ-бы признанъ слишкомъ рѣшительнымъ, то ничто не препятствуетъ начать хотя-бы съ вызова экспертовъ по отдѣльнымъ вопросамъ, съ тѣмъ однако-же, чтобы имъ было предоставлено не давать заключенія по отдѣльнымъ пунктамъ канцелярскихъ проэктовъ, а

вырабатывать эти проэкты самимъ. Но правительство должно сказать себѣ заранѣе, что цѣль его состоитъ въ образованіи въ ближайшемъ будущемъ такого законодательнаго органа, который, не стѣсняя верховной власти, далъ-бы ей возможность узнавать о положеніи страны не изъ мертвыхъ донесеній, а изъ живаго обмѣна мыслей администраціи и общества. Вызовъ экспертовъ можетъ быть только шагомъ къ переустройству государственнаго совѣта. На этой формѣ можно остановиться на долгое время.»

Резюмируя содержаніе своего предложенія, Чичеринъ говоритъ: «Задача верховной власти состоитъ въ настоящее время въ образованіи однороднаго, вполнѣ согласнаго между собою правительства. Оно должно состоять изъ людей одинаковыхъ убѣжденій и стремленій, или, по крайней мѣрѣ, согласившихся въ основаніяхъ внутренней политики. Отъ министровъ слѣдуетъ потребовать общей программы дѣйствій, и, слѣдовательно, совокупнаго обсужденія важнѣйшихъ вопросовъ и принятія совокупныхъ мѣръ. Отдѣльныя программы различныхъ министровъ должны быть обсуждаемы въ совѣтѣ министровъ не случайно, какъ дѣлается нынѣ, а постоянно и правильно. Государю нужно имѣть передъ собою не отдѣльныя мнѣнія министровъ, а заключеніе всего своего правительства. Тогда правительство будетъ имѣть внутреннюю политику. Съ нею оно явится передъ законодательнымъ органомъ, усиленнымъ и обновленнымъ выборнымъ элементомъ, и съ его помощью выработаетъ ту прочную общественную организацію власти, которой теперь нѣтъ. Такая власть будетъ и сильна, и либеральна, ибо только крѣпкая власть можетъ быть дѣйствительно либеральна, только на разумномъ порядкѣ зиждется свобода. Самодержавная воля государя не будетъ при этомъ ограничена. За нимъ, верховнымъ носителемъ русскихъ судебъ, остается рѣшающее слово; но пульсъ народной жизни будетъ биться сильнѣе, и народная власть самодержца будетъ опираться на постоянное содѣйствіе народа.»

Пересылая эту докладную записку Лорисъ-Меликову, графъ Милютинъ писалъ ему 18 марта 1881 года: «Пожалуйста, дочитайте ее до конца; вы увидите, что первая ея половина, заключающая въ себѣ критическую сторону, представляетъ настоящее наше положеніе въ самымъ безотрадномъ видѣ; тутъ есть много правды, но также и много такого, съ чѣмъ вы, конечно, не согла-

ситесь. Но затѣмъ авторъ въ концѣ записки приходитъ къ неожиданному заключенію — весьма близкому къ вашимъ-же идеямъ, которыя вы намѣревались въ послѣднее время провести и которыя, какъ надѣюсь, будете еще отстаивать всею силою вашего авторитета.» Я привелъ содержаніе этого письма съ цѣлью показать, что внесенный Лорисъ-Меликовымъ проэктъ, хотя въ общемъ не расходится существенно, какъ мы увидимъ ниже, съ предложеніями бывшаго московскаго профессора, составленъ былъ независимо и раньше его докладной записки.

Правительство, повидимому, склонно было искать указаній и совѣта у выдающихся представителей государственной дѣятельности и у спеціалистовъ по политическимъ наукамъ.

Въ нашихъ рукахъ имѣется написанная пофранцузски докладная записка извѣстнаго маркиза Велепольскаго отъ 6 марта 1881 года. Нельзя сказать, чтобы предлагаемыя ею мѣры отличались большимъ довѣріемъ къ той помощи, какую правительство можетъ получить отъ представителей общества и отъ органовъ печати. «Положеніе, занятое прессой, пишетъ маркизъ, инерція всѣхъ классовъ населенія, наконецъ, взглядъ на все пережитое Россіей въ теченіе текущаго столѣтія, ставятъ на очередь вопросъ, какова та болѣзнь, чудовищные феномены которой выступаютъ передъ нами, что дѣлаетъ служителемъ преступленія храбрость и упорство, достойныя лучшей доли? Имѣемъ-ли мы дѣло съ наружной только болѣзнью, или зараза коснулась самыхъ жизненныхъ соковъ націи? Ни одинъ столичный журналъ не желаетъ репрессій, наоборотъ, между строками всѣхъ этихъ журналовъ можно прочесть едва прикрытое требованіе конституціи. Все населеніе столицы относительно инертно, но эта инерція только видимая, особенно въ рядахъ молодежи, посѣщающей высшія школы, и даже въ большинствѣ такъ называемыхъ образованныхъ классовъ, классовъ на самомъ дѣлѣ мало просвѣщенныхъ, ибо безъ уваженія къ закону и привязанности къ началу христіанской семьи нѣтъ настоящаго просвѣщенія. Позволено-ли думать, что всѣ эти люди не даютъ себѣ никакого отчета въ томъ, въ какой мѣрѣ пассивность ихъ отношенія доказываетъ ихъ солидарность съ совершившимся преступленіемъ? Чтобы дать правильное историческое освѣщеніе современному положенію, достаточно сослаться на примѣръ декабристовъ. Не будучи соціалистами и даже демо-

кратами, эти заговорщики считали убійство монарха необходимымъ для достиженія своихъ цѣлей. Внутренняя политика послѣднихъ лѣтъ, политика, болѣе состоявшая въ приспособленіи къ обстоятельствамъ, нежели въ проведеніи монархическихъ принциповъ, отличалась отсутствіемъ гармоніи и послѣдовательности.

« Аномалія, какую представляетъ существованіе бокъ-о-бокъ либеральныхъ учрежденій и исключительныхъ законовъ, примѣняемыхъ съ большимъ произволомъ людьми, слишкомъ часто склонными вырывать съ корнемъ основы консерватизма, повели къ созданію какого-то народно-бюрократическаго цезаризма, химеры, способной вынести сравненіе съ самыми передовыми соціальными теоріями и вызывающей то-же чувство разочарованія, что и онѣ. Самопроизвольность и непрерывность движенія, продолжающагося уже столько лѣтъ, движенія, только временно пріостановленнаго желѣзной рукою императора Николая, да и то лишь подъ условіемъ прекращенія всякой жизни въ средѣ русской націи, не позволяетъ сомнѣваться, что болѣзнь, о которой идетъ рѣчь, коснулась не одной поверхности. Исторія всѣхъ заговоровъ, какъ старинныхъ, такъ и недавнихъ, доказываетъ, что острые припадки болѣзни, неудержимое влеченіе къ конституціоннымъ свободамъ, проявляется по преимуществу въ нѣкоторыхъ частяхъ Имперіи. Въ виду этого можно сказать, что одна изъ главнѣйшихъ опасностей лежитъ въ современной централизаціи. Эта централизація содѣйствуетъ заразѣ, перенося ея зародыши въ свободныя отъ нея провинціи. Общества, еще не задѣтыя или тронутыя въ меньшей мѣрѣ, чувствуя себя политически приниженными, не въ силахъ противоставить достаточнаго сопротивленія революціоннымъ теоріямъ господствующей національности. Такимъ образомъ, представляются одновременно двѣ необходимости : надо, во первыхъ, остановить распространеніе этой болѣзни путемъ децентрализаціи, даруя провинціямъ самоуправленіе ; необходимо, съ другой стороны, эмпирическое лѣченіе болѣзни всюду, гдѣ она выступаетъ въ остромъ видѣ. Что касается до децентрализаціи, то никакія правительственныя мѣры не способны вызвать желательнаго оздоровленія, разъ въ основу ихъ не будутъ положены слѣдующіе принципы : самодержавіе (monarchie autocratique), законность, равенство гражданскихъ и политическихъ правъ между всѣми подданными императора, свобода совѣсти, уваженіе націо-

нальностей, неприкосновенность собственности, наконецъ, система народнаго образованія, удовлетворяющая потребностямъ дѣйствительной жизни различныхъ центровъ и проникнутая стремленіемъ установить гармонію между школою и семьею. Неограниченность верховной власти слѣдовало-бы сохранить до момента, когда различныя народности имперіи почувствуютъ солидарность и вступятъ во взаимное равновѣсіе, благодаря практикѣ свободныхъ учрежденій въ предѣлахъ ихъ соотвѣтствующихъ областей и провинцій. Только тогда способны онѣ будутъ трудиться съ успѣхомъ въ стѣнахъ центральнаго парламента надъ развитіемъ благосостоянія всей имперіи. Что касается до эмпирическаго лѣченія болѣзни тамъ, гдѣ она проявляется въ острóмъ видѣ, необходимо нанесть скорые и сильные удары (il faut frapper vite et fort). Только этимъ можно произвести желательное дѣйствіе на воображеніе и воспрепятствовать тому, чтобы злодѣи не успѣли терроризировать массы населенія.»

Такимъ образомъ, въ то время, какъ бывшій профессоръ государственнаго права признавалъ русское общество конца XIX вѣка неподготовленнымъ къ той свободѣ, какой англичане пользовались съ XIII столѣтія, и допускалъ участіе земскихъ людей въ высшей администраціи лишь настолько, насколько это необходимо для усиленія правительственной репрессіи, полякъ Велепольскій старался воспользоваться обстоятельствами, чтобы расширить мѣстную автономію и обезпечить своимъ соотечественникамъ признаніе ихъ національныхъ особенностей и полную вѣротерпимость. Для москалей онъ требовалъ только одного — поражающей воображеніе репрессіи.

Среди этихъ съ разныхъ сторонъ являющихся опекуновъ и благожелателей комическое впечатлѣніе производитъ рацея, прописанная графу Лорисъ-Меликову также профессоромъ государственнаго права, Александромъ Дмитріевичемъ Градовскимъ. Блестящій сотрудникъ либеральнаго «Голоса» счелъ переживаемую Россіей минуту внутренняго замѣшательства и тревоги самымъ подходящимъ моментомъ для назначенія какой-то слѣдственной коммиссіи о причинахъ, вызвавшихъ къ жизни нигилистическое движеніе. Только этимъ путемъ, думалъ онъ, можно будетъ положить конецъ тѣмъ нареканіямъ и гоненіямъ, какимъ незаслуженно подвергается интеллигенція, заподозрѣнная въ тайномъ

сочувствіи мятежникамъ. Въ глазахъ испуганнаго профессора уже рисовалась картина новой жакеріи, заканчивающейся нашествіемъ иноземцевъ. Но его докладная записка такъ забавна, что я считаю себя въ правѣ внести эту веселую ноту въ мой разсказъ. «Правительство, жалуется г. Градовскій, отклонило отъ себя всякое изслѣдованіе о причинахъ смутъ. Оно склоняетъ ухо къ объясненіямъ, утверждающимъ, что все зло состоитъ въ распространеніи разныхъ западно-европейскихъ понятій; оно какъ будто вѣритъ этому, не подозрѣвая, что, если зло лежитъ въ этомъ, то оно неисцѣлимо, ибо западно-европейскія понятія будутъ проникать къ намъ, хотя-бы вся наша печать была приведена въ безмолвіе, и ни одной иностранной книги не попадалось на глаза русскому читателю. Оно, повидимому, склоняется къ тому, что всѣ эти прискорбныя событія зависятъ отъ упадка въ нашемъ обществѣ вѣры и спеціально вѣры въ томъ видѣ, какъ исповѣдуетъ ее простой народъ. Но при этомъ забываютъ, что нигдѣ въ мірѣ высшіе классы общества не исповѣдуютъ вѣры такъ, какъ исповѣдуютъ ее классы низшіе. Однако, это обстоятельство нисколько не вліяетъ на распространеніе разрушительныхъ ученій. Говорятъ объ измѣнѣ народнымъ преданіямъ, приглашая образованное общество перевоспитаться въ народѣ, забывая, что для такого перевоспитанія требуется забыть все, что внесено въ умъ человѣческій воспитаніемъ, образованіемъ, чтеніемъ, а это не только нравственно, но и физически невозможно.»

Все это совершенно вѣрно, и изъ всего этого, кажется, выводъ одинъ: такъ какъ образованное общество вышло изъ дѣтскаго возраста, такъ какъ реформою Петра оно сближено съ западною Европой и пошло ея дорогою, разрывая съ преданіями московской волокиты, московскаго крѣпостничества и московскихъ кормленій, то, очевидно, что для его возмужалости не пригодны болѣе тѣ дѣтскіе порядки вѣчной опеки и абсолютнаго безмолвія, какіе обезпечиваетъ ему пережившій себя абсолютизмъ и бюрократія. Но не такъ разсуждаетъ историкъ государственныхъ учрежденій. «Мы не обвиняемъ, говоритъ онъ въ примирительномъ духѣ, сторонніхъ лицъ, выставляющихъ такія объясненія, мы говоримъ только, что правительство не вправѣ на нихъ успокаиваться. Лица сторонніе не имѣютъ матеріаловъ, нужныхъ для выясненія смуты; правительство ихъ имѣетъ. Наконецъ, что самое важное,

оно можетъ обсудить собственное положеніе со свободою и откровенностью, недоступными печати въ нынѣшнемъ ея состояніи. Но оно не пользуется этой возможностью. Не изслѣдовавъ причинъ смуты, оно ставитъ вопросъ о средствахъ борьбы съ нею. Но этого мало; даже останавливаясь на средствахъ, оно не ищетъ чего-либо новаго, но какъ будто намѣрено выбирать между двумя старыми и достаточно извѣданными системами: системой репрессій — съ одной и системой частичнаго улучшенія нашего общественнаго быта — съ другой стороны. Заранѣе можно сказать, что ни та, ни другая система не приведутъ къ желательнымъ плодамъ. По моему глубокому убѣжденію, которое я считаю священнѣйшимъ долгомъ высказать Вашему Сіятельству съ почтительнѣйшей просьбой — довести эту мысль до высочайшаго государя императора свѣдѣнія, правительству предстоитъ не выборъ между двумя указанными выше системами, а полное и безповоротное отреченіе отъ нихъ.» Опять таки вѣрная мысль, которая, чтобы сдѣлаться плодотворной, только нуждается въ развитіи. Если ни насильственное поддержаніе стараго, ни частичныя и постепенныя уступки недостаточны, чтобы положить конецъ броженію, то что-же остается сдѣлать, какъ не вступить откровенно и честно на путь общихъ реформъ? Но сотрудникъ «Голоса» настолько привыкъ недосказывать своихъ мыслей, что предоставляетъ правительству читать между строками. Мало этого, онъ спѣшитъ броситься въ сторону, замаскировать тотъ невольный либерализмъ, какой вылился изъ-подъ его пера и выступить снова въ роли безстрастнаго изслѣдователя. «Правительство, пишетъ онъ, должно изучить причины смуты прежде, чѣмъ принять рѣшительный шагъ въ ту или другую сторону. Это необходимо сдѣлать теперь-же; время не ждетъ, и бѣда надвигается со всѣхъ сторонъ. Она надвигается со стороны революціонной партіи, которая пользуется общимъ неопредѣленнымъ положеніемъ и растетъ непрерывно, несмотря на всѣ аресты. Она надвигается со стороны народныхъ массъ, которыя, не вѣдая истинныхъ причинъ смуты, понимаютъ ее по своему, складывая всю вину на высшіе классы и готовясь начать избіеніе послѣднихъ. Что будетъ тогда, когда эти два теченія встрѣтятся? Что будетъ, если въ самомъ дѣлѣ начнется эта пугачевщина? Знаю, что мысль объ избіеніи высшихъ классовъ многимъ и многимъ нравится, но

знаю также и то, что правительство, допустивъ до такого исхода, перестанетъ быть правительствомъ, но сдѣлается жалкимъ и слѣпымъ орудіемъ разнузданной массы и должно будетъ служить ея инстинктамъ; знаю, что имя царя, изъ-за котораго подымется масса, непосредственно затѣмъ сдѣлается предлогомъ для раздѣла имуществъ, предвижу и убѣжденъ, что исходомъ этого движенія будетъ не возвращеніе къ вѣрѣ предковъ, а варварства, разложеніе государственнаго тѣла и, быть можетъ, нашествіе иноплеменниковъ, всегда готовыхъ воспользоваться легкой добычей. Умъ мутится, сердце цѣпенѣетъ отъ одной мысли о такомъ будущемъ. Но къ чувству ужаса присоединяется и чувство стыда при мысли о томъ, какъ легко было-бы избѣгнуть всѣхъ этихъ катастрофъ, при рѣшимости взглянуть на дѣло прямо, при твердой волѣ покончить сначала съ причинами, послѣ чего вопросъ о послѣдствіяхъ рѣшится самъ собой.»

Профессорская мистификація съ ея различеніемъ причинъ и слѣдствій, изслѣдованій и мѣропріятій, заканчивается наивнымъ обѣщаніемъ, « всемѣрно помогать общему дѣлу, высказать правду такъ, какъ онъ ее понимаетъ, но для этого, прибавляетъ осторожный учитель, нужна увѣренность, что эту правду выслушаютъ. »

Увѣренности этой не явилось, и профессоръ остался со своимъ секретомъ.

Что было дѣлать правительству при такихъ совѣтникахъ? Читать между строками « проклятыхъ газетчиковъ » или разбирать шарады ученыхъ профессоровъ? налагать, заодно съ маркизомъ Велепольскимъ, опалу на мятежныхъ москалей, расширяя вольности преданныхъ престолу поляковъ или, вслѣдъ за Чичеринымъ, пріобщать свѣдущихъ людей отъ земства къ успленной репрессіи? Никто не требовалъ отъ него откровеннаго перехода къ новымъ порядкамъ, никто не ставилъ ему на видъ, что лишеніе и устрашеніе одинаково недостойны носителя власти, что цѣлый народъ неотвѣтственъ за дѣйствія небольшой группы озлобленныхъ фанатиковъ, доведенныхъ до крайности полицейскою травлею; что, сознавая недостатки бюрократическаго строя, пользу народнаго совѣта, необходимость успокоенія умовъ, оно не можетъ обойтись безъ созыва представителей русской земли, хотя-бы въ скромной формѣ совѣщательнаго учрежденія, составленнаго изъ депутатовъ

уѣздныхъ земствъ. Этого именно ждало отъ него общественное мнѣніе, и не въ одной только столицѣ, но и въ провинціи, какъ видно изъ слѣдующаго письма профессора Пихно изъ Кіева отъ 18 марта 1881года: «Многіе у насъ, какъ и у васъ, ищутъ спасенія въ конституціи. Другіе, въ томъ числѣ и я, утверждаютъ, что, не создавая никакихъ ограниченій для власти, не связывая ее, нужно прежде спросить страну, призвать ее только для совѣта, а затѣмъ уже рѣшать, что нужно дѣлать.» Такъ, повидимому, уже съ 1880 года смотрѣли на дѣло и правительства дружественныхъ намъ державъ и во главѣ ихъ нѣмецкой, какъ видно изъ слѣдующаго письма императора Вильгельма къ Александру III. Не отрицая пользы созыва народныхъ представителей, престарѣлый императоръ старался предостеречь своего племянника отъ «подводныхъ камней, которыхъ, пишетъ онъ, необходимо избѣгать при дарованіи конституціи». Средства къ этому лежали на его взглядъ въ слѣдующемъ: 1) Не опредѣлять условій ценза при выборахъ въ Парламентъ. 2) Не допускать всеобщаго избирательнаго права; 3) двухъ-камерная система, но 4) безъ преимуществъ, которыя допустили-бы парламентъ до управленія государствомъ, напр., права отставлять министерство, если оно окажется въ меньшинствѣ; достаточно обезпечить парламенту участіе въ законодательной власти. 5) Не допускать также вмѣшательства его въ политику, особенно, въ моментъ предъявленія правительствомъ требованія о кредитѣ. Ничто не мѣшаетъ, однако, правительству дѣлать парламенту сообщенія по собственной иниціативѣ. 6) Трехгодичный бюджетъ. 7) Оставленіе въ силѣ послѣдняго бюджета, если новый не будетъ утвержденъ втеченіи парламентской сессіи. Не допускать гражданской росписи (liste civile) взамѣнъ уступки государственныхъ имуществъ. 8) Равноправность вѣроисповѣданій. 9) Не допускать неограниченной свободы преподаванія, и 10) печати.

Не безъ интереса прочтутъ этотъ документъ всѣ тѣ, кто пожелаетъ узнать сокровенныя мысли стараго императора на трудности, какими обставлена верховная власть въ предѣлахъ представительныхъ монархій. Особенно характерно упоминаніе о старомъ бюджетѣ, какъ остающемся въ силѣ, въ случаѣ неутвержденія новаго. Что это,— какъ не выводъ изъ столь памятнаго еще столкновенія Бисмарка съ прусскими палатами, столкновенія, окончившагося полнымъ тор-

жествомъ министра и подготовившаго ему путь къ возвышенію? Желаніе ограничить сферу дѣятельности палатъ одной законодательной властью не указываетъ-ли на то, что парламентарный образъ правленія далеко не отвѣчалъ идеаламъ императора, и что провозглашенная германской конституціей отвѣтственность канцлера, при выборѣ его однимъ императоромъ и отсутствіи призваннаго судить его учрежденія, была разсчитана только на то, чтобы обезпечить невмѣшательство народныхъ представителей въ управленіе? Интересна также враждебность Вильгельма I ко всеобщему праву голосованія, котораго нѣтъ въ прусской конституціи, но съ которымъ мирится германская, какъ съ неизбѣжнымъ зломъ, вызываемымъ духомъ времени. Не смотря на всѣ эти ограниченія избирательнаго права, свободы печати и свободы преподаванія, не смотря на удержаніе правительствомъ въ своихъ рукахъ обширнаго домэніальнаго фонда, которое одно уже способно обезпечить ему матерьяльную независимость отъ парламента, старый императоръ все-же считаетъ возможнымъ воскликнуть въ заключеніе: «какъ ни лавируй (trotz dieser Umschiffung), все-же нелегко прусскому правительству бороться съ трудностями парламентскаго устройства.»

Изъ противуположнаго конца Европы, изъ устъ будущаго союзника Буланже и разоблачителя панамскихъ злоупотребленій Андріэ, раздается призывъ одновременно къ респрессіи и къ дарованію конституціонныхъ вольностей. Парижскій префектъ полиціи не смущается сознаніемъ своего полнаго невѣжества насчетъ дѣйствительныхъ условій русской жизни и отдѣлывается отъ возможныхъ упрековъ со стороны тѣхъ, кто думаетъ, что конституціи не жалуются, а растутъ, слѣдующей общей фразой: «хотя для всесторонняго подробнаго сужденія о подобномъ вопросѣ необходимо находиться на мѣстѣ, но тѣмъ не менѣе я рѣшаюсь изложить въ общемъ свой взглядъ». Взглядъ этотъ состоитъ существенно въ слѣдующемъ: «государь долженъ издать манифестъ, въ которомъ будетъ объявлено, что онъ желаетъ дать народу гарантіи благосостоянія и спокойствія не только строгимъ сохраненіемъ существующихъ законовъ, но также реформами и постепенно расширяемой свободой, подобно тому, какъ это дѣлалъ его усопшій родитель. Но предъ убійствами и угрозами нигилистовъ всѣ его намѣренія останавливаются. Никакое правительство не

должно уступать предъ насиліемъ. Онъ также не уступитъ. Пока заговорщики не будутъ стерты съ лица земли русской и не будутъ отсѣчены отъ ея тѣла, какъ члены, пораженные гангреной, всѣ законы отмѣняются, и начинается преслѣдованіе безъ пощады! Есть раны, которыя требуютъ раскаленнаго желѣза, и нигилизмъ изъ числа такихъ ранъ.

«Государь призываетъ къ содѣйствію всѣхъ преданныхъ порядку, чтобы скорѣе покончить съ шайкой убійцъ, величающихъ себя политической партіей. Разъ это будетъ сдѣлано, явится возможность подумать о мирныхъ реформахъ и прогрессѣ.»

Вотъ содержаніе манифеста, съ которымъ Андріэ совѣтуетъ обратиться къ народу.

Его обнародованіе сопровождается незнающей пощады репрессіей. Правительство изводитъ террористовъ всѣми силами, прибѣгая ко всякимъ средствамъ, и усиливая въ частности власть начальника полиціи. Его отвѣтственности надо предоставить выборъ мѣръ противъ взятыхъ уже нигилистовъ: казнить-ли ихъ при закрытыхъ дверяхъ, или оставить въ уединенныхъ казематахъ, гдѣ они въ отчаяніи станутъ доносить другъ на друга и постепенно выдадутъ всѣхъ сообщниковъ.

«Военнаго суда я не признаю, пишетъ Андріэ; это повело-бы только къ замедленіямъ. Что-же касается до публичныхъ преній, то медленность процедуры и вся обстановка суда надъ убійцами государя есть, по моему мнѣнію, громадная ошибка. Все, что возбуждаетъ и поддерживаетъ притворную чувствительность, опасно, прибавляетъ онъ. Нигилисты дѣйствуютъ терроромъ нуженъ могучій контръ-терроръ со стороны власти, болѣе сильной и дѣйствующей на той-же почвѣ.

«Для страшныхъ болѣзней нужны страшныя лѣкарства. Для дѣла неправильнаго нужны и мѣры исключительныя и угрожающія. Террористовъ слѣдуетъ укротить, какъ укрощаютъ дикихъ звѣрей. Иначе правительство падетъ, потому что въ Россіи уже сильна соціальная революція. Полумѣръ не достаточно; только при твердости правительства народъ почувствуетъ себя дѣйствительно обезпеченнымъ, и довѣріе будетъ возстановлено. Слѣдуетъ прибѣгнуть также и къ силѣ денегъ, прибавляетъ ничѣмъ не брезгующій префектъ. Слѣдуетъ купить кого-либо изъ нигилистовъ: купленный продастъ и сообщниковъ.» Новый Маккіавель совѣ-

туетъ большимъ содержаніемъ привлечь на службу по полиціи людей болѣе достойныхъ. «У насъ во Франціи, заканчиваетъ онъ, сумма тайныхъ расходовъ очень велика.»

Вотъ каковы были назиданія, приходившія изъ Франціи, страны свободы и республики!

Удивительно-ли, если при такихъ менторахъ, какъ внутреннихъ, такъ и внѣшнихъ, государь счелъ долгомъ чести оградить прежде всего полноту своего самодержавія. «Посылаю тебѣ, любезный Владиміръ, пишетъ онъ 27 апрѣля 1881 года, мною одобренный проэктъ манифеста; я желаю, чтобы онъ вышелъ въ 29 день пріѣзда моего въ столицу. Я долго объ этомъ думалъ. Министры все обѣщаютъ мнѣ своими мѣрами замѣнить манифестъ, но, такъ какъ я не могу добиться никакихъ рѣшительныхъ дѣйствій отъ нихъ, а между тѣмъ шатаніе умовъ продолжается, и многіе ждутъ чего-то необыкновеннаго, то я рѣшился обратиться къ Константину Петровичу Побѣдоносцеву и поручилъ ему составить мнѣ проэктъ манифеста, въ которомъ-бы высказано было ясно, какое направленіе желаю я дать дѣламъ, и что никогда не допущу ограниченія самодержавной власти, которую нахожу нужной и полезной Россіи. Кажется, манифестъ составленъ очень хорошо; онъ былъ вполнѣ одобренъ графомъ Строгановымъ, который также нашелъ своевременность подобнаго акта. Сегодня я лично прочелъ манифестъ А. В. Адлербергу, который вполнѣ одобрилъ его. И такъ, дай Богъ, въ добрый часъ.»

Въ чемъ-же проявилась, спрашивается, та расшатанность умовъ, о которой говорится въ только что приведенномъ письмѣ? Что заставило государя думать, что министры имѣютъ въ виду ограничить его самодержавіе? Въ «Голосѣ» и «Москвѣ» появились двѣ-три статьи, въ которыхъ прозрачно намекалось на необходимость народнаго представительства.

Въ московскомъ университетѣ нѣсколько студентовъ не захотѣло возложить вѣнокъ на гробъ покойнаго императора или, точнѣе, дать деньги на его покупку; явившійся на сходку проректоръ Муромцевъ былъ освистанъ, что не помѣшало ему употребить всѣ старанія, чтобы задушить начавшіеся безпорядки и настоять на посылкѣ вѣнка. Поведеніе его представлено было въ превратномъ видѣ и послужило поводомъ къ его отставкѣ. Вина въ этомъ падаетъ всецѣло на г-на Побѣдоносцева и его московскихъ корреспондентовъ.

Въ сдѣланномъ Побѣдоносцевымъ сообщеніи значилось: «Студентъ Заянчковскій (православный, русскій въ душѣ, племянникъ П. С. Нахимова) вмѣстѣ съ молодымъ графомъ Уваровымъ предложили товарищамъ подписку на вѣнокъ усопшему государю. Когда набралось до восьмидесяти рублей, явилась кучка студентовъ съ протестомъ и разорвала подписной листъ. На другой день Заянчковскій, въ надеждѣ подѣйствовать на товарищей, написалъ и сказалъ имъ на сходкѣ прочувствованную рѣчь, съ которой имѣется у меня засвидѣтельствованная копія. Онъ уговаривалъ всѣхъ сойтись въ одномъ чувствѣ, указывалъ на существующую въ народѣ подозрительность къ студентамъ, и убѣждалъ ихъ заявить, что они не имѣютъ ничего общаго съ злодѣями. За эту рѣчь, какъ-бы за оскорбленіе студентовъ, рѣшено на сходкѣ учредить надъ нимъ университетскій студенческій судъ. Это было утверждено проректоромъ Муромцевымъ, который самъ созвалъ студентовъ-филологовъ на собраніе десятаго марта. Кончилось тѣмъ, что Заянчковскаго опозорили, лишили его права участвовать въ собраніи студентовъ, а графа Уварова простили, такъ какъ онъ только участвовалъ въ подпискѣ, но не произносилъ рѣчи.» Письмо заканчивается слѣдующимъ заявленіемъ: «вотъ уже готовые результаты сходокъ, введенныхъ министромъ Сабуровымъ и Д. А. Милютинымъ.» Удивительно-ли, если, прочитавъ такое донесеніе, государь собственной рукой отмѣтилъ на поляхъ: «если это дѣйствительно было такъ, то это непростительное безобразіе, и оставить это дѣло такъ невозможно!»

Но въ дѣйствительности было совсѣмъ не такъ, какъ сочли нужнымъ представить это враги профессора Муромцева, друзья и сотрудники Московскихъ Вѣдомостей; произошло даже какъ разъ обратное — въ одинъ день проректоръ лишился своей популярности, — и за что? за желаніе не дать свободнаго хода безпорядкамъ. Муромцевъ убѣждалъ студентовъ не кляузничать другъ на друга, отказывался принять доносъ графа Уварова на товарищей и созвалъ къ себѣ студентовъ-филологовъ, съ цѣлью убѣдить ихъ въ необходимости не давать новаго повода къ несправедливымъ нареканіямъ, какимъ со стороны извѣстныхъ органовъ нашей печати подверглись дарованныя Сабуровымъ «студенческія вольности», несравненно болѣе скромныя, чѣмъ тѣ,

какими давно пользуется учащаяся молодежь въ Германіи и Дерптѣ.

Только что упомянутыя событія, несмотря на всѣ преувеличенія, были сами по себѣ на столько мелки, что имъ едва-ли удалось-бы укрѣпить въ государѣ увѣренность, что «шатаніе умовъ растетъ съ каждымъ днемъ», если-бы люди, съ которыми связывали его воспоминанія дѣтства и ученичество, не старались всячески породить въ немъ недовѣріе къ руководящимъ членамъ министерства и подозрѣніе, что ими замышляется какой-то государственный переворотъ. Предложенія, клонившіяся къ установленію большей солидарности между министрами и къ усиленью состава государственнаго совѣта, частью выборными, частью назначенными правительствомъ мѣстными дѣятелями, выданы были за нѣчто клонящееся къ ограниченію самодержавія. Представляемъ самому читателю судить о томъ, въ какой мѣрѣ скрѣпленныя подписью Александра II и нынѣ снова поступившія на обсужденіе реформы оправдывали подобнаго рода опасенія. Съ этою цѣлью мы воспроизведемъ въ подлинникѣ докладъ, сдѣланный графомъ Лорисъ-Меликовымъ 6-го марта 1881 года.

« 28-го минувшаго генваря, значится въ немъ, Министръ »
« Внутреннихъ Дѣлъ, всеподданѣйше докладывая въ Бозѣ по- »
« чившему Государю Императору нѣкоторыя соображенія свои »
« относительно дальнѣйшихъ правительственныхъ мѣропріятій »
« по Высочайше предуказанному пути въ дѣлѣ возвращенія »
« государственной жизни къ правильному и законному ея теченію, »
« нарушенному безпрерывно повторявшимися втеченіи цѣлаго »
« ряда лѣтъ покушеніями дерзкихъ злоумышленниковъ противъ »
« государственнаго порядка и общественнаго спокойствія въ »
« Россіи, свидѣтельствовалъ при этомъ, что разслѣдованіе сте- »
« пени распространенія анархическихъ лжеученій, пріостано- »
« вившихъ было пагубными проявленіями своими спокойное »
« развитіе преобразованій, предпринятыхъ на благо Россіи съ »
« первыхъ-же дней восшествія Императора Александра II на »
« прародительскій престолъ, приводитъ къ увѣренности въ томъ, »
« что лжеученія эти, выражаясь въ прискорбныхъ уклоненіяхъ »
« отдѣльныхъ личностей отъ священныхъ обязанностей вѣрноподъ- »
« данныхъ сыновъ отечества, не успѣли, однако, проникнуть въ »
« глубь русскаго общества и русскаго народа, представляющихъ »

« надежныя опоры государственному порядку въ Россіи. По за- »
« явленію Министра Внутреннихъ Дѣлъ, во всѣхъ случаяхъ »
« обращенія его къ содѣйствію общественныхъ силъ, такое обра- »
« щеніе было встрѣчаемо полнѣйшею готовностью служить цѣлямъ »
« порядка и завершенія всякихъ преобразованій.

« Вмѣстѣ съ тѣмъ, Министръ Внутреннихъ Дѣлъ всеподданѣйше »
« докладывалъ, что, если производимыя нынѣ въ нѣсколькихъ »
« губерніяхъ разныхъ полосъ Имперіи сенаторскія ревизіи и »
« внесутъ богатый вкладъ въ имѣющіеся уже въ центральномъ »
« управленіи матерьялы по многимъ подлежащимъ разрѣшенію »
« вопросамъ и обновятъ ихъ свѣжими мѣстными данными, то »
« тѣмъ не менѣе матерьялы эти, при окончательной ихъ разра- »
« боткѣ, должны быть пополнены практическими указаніями »
« людей, ближе знакомыхъ съ мѣстными условіями и потребно- »
« стями. По своему вѣдомству Министръ Внутреннихъ Дѣлъ »
« представилъ на Высочайшее благоволеніе слѣдующіе стоящіе, »
« между прочимъ, на очереди вопросы: а) Преобразованіе »
« мѣстныхъ управленій въ губерніяхъ, въ видахъ точнаго опре- »
« дѣленія объема правъ и обязанностей оныхъ и приведеніе »
« административныхъ учрежденій въ надлежащее соотвѣтствіе съ »
« учрежденіями судебными и общественными и съ потребностями »
« управленія; б) дополненія, по указаніямъ опыта, положеній »
« 19-го февраля 1861 года и послѣдующихъ по крестьянскому »
« дѣлу узаконеній, соотвѣтственно выяснившимся потребностямъ »
« крестьянскаго населенія; в) пересмотръ положеній земскаго и »
« городоваго, въ видахъ пополненія и исправленія ихъ по указа- »
« ніямъ прошедшаго времени; и г) организація продовольствен- »
« ныхъ запасовъ и вообще системы народнаго продовольствія.

« Въ Бозѣ почившій Государь Императоръ, слѣдуя влече- »
« ніямъ своего любвеобильнаго сердца и желая явить новый »
« знакъ монаршаго довѣрія къ своимъ вѣрноподданнымъ, по »
« разсмотрѣніи соображеній Министра Внутреннихъ Дѣлъ въ »
« двухъ бывшихъ засѣданіяхъ изъ Высочайше назначен- »
« ныхъ къ тому лицъ, всемилостивѣйше соизволилъ одо- »
« брить основную мысль относительно пользы и своевремен- »
« ности привлеченія мѣстныхъ дѣятелей къ совѣщательному »
« участію въ изготовленіи центральными учрежденіями законо- »
« проэктовъ по тѣмъ вопросамъ, которые признаны будутъ »

« Высочайшею волею подлежащими нынѣ разрѣшенію, въ видахъ »
« развитія и усовершенствованія Высочайше предначертанныхъ »
« преобразованій. Для практическаго осуществленія всемилости- »
« вѣйшей воли, относительно скрѣпленія указаннымъ путемъ »
« плодотворной связи между правительствомъ и лучшими силами »
« общественными, въ Бозѣ почившій Императоръ изволилъ »
« избрать порядокъ, испытанный уже по Высочайшимъ указа- »
« ніямъ при разработкѣ крестьянской реформы, съ примѣненіемъ »
« онаго къ потребностямъ и задачамъ настоящаго времени. »
« Пріемля во вниманіе, что на мѣстахъ уже имѣются нынѣ по- »
« стоянныя и при томъ всесословныя учрежденія, способныя »
« представлять свѣдѣнія и заключенія по вопросамъ, подлежа- »
« щимъ обсужденію высшаго правительства, въ Бозѣ почившій »
« Императоръ соизволилъ остановиться на учрежденіи въ С. »
« Петербургѣ временныхъ подготовительныхъ коммиссій съ тѣмъ, »
« чтобы работы этихъ коммиссій, предварительно внесенія ихъ »
« на обсужденіе Государственнаго Совѣта въ установленномъ »
« закономъ порядкѣ, были подвергаемы совѣщательному раз- »
« смотрѣнію въ общей коммиссіи съ участіемъ представителей »
« отъ земства и нѣкоторыхъ значительнѣйшихъ городовъ. Въ »
« видахъ установленія главнѣйшихъ положеній по сему дѣлу, »
« въ Бозѣ почившему Императору благоугодно было, въ 17 день »
« минувшаго февраля, Высочайше повелѣть: 1) Сдѣлать нынѣ- »
« же распоряженіе, чтобы находящіеся въ разныхъ министер- »
« ствахъ и другихъ центральныхъ учрежденіяхъ матерьялы, »
« имѣющіе отношеніе къ перечисленнымъ Министромъ Внутрен- »
« нихъ Дѣлъ вопросамъ, были собраны, сгруппированы по одно- »
« роднымъ предметамъ и приведены въ такой порядокъ, въ »
« какомъ, по усмотрѣнію подлежащаго министра, они могли-бы »
« съ удобствомъ быть подвергнуты соображенію подготовитель- »
« ныхъ коммиссій. 2) На окончаніе этихъ (п. 1) работъ назна- »
« чить срокъ, совпадающій съ окончаніемъ сенаторскихъ ревизій. »
« По представленіи-же сенаторами добытыхъ изъ ревизіи дан- »
« ныхъ, дополнить ими собранные въ центральныхъ учрежденіяхъ »
« матеріалы и установить тѣ вопросы и предположенія, которые »
« въ теченіе осени могли-бы быть внесены въ подготовительныя »
« коммиссіи. 3) Подготовительныя коммиссіи учредить изъ »
« членовъ правительственныхъ вѣдомствъ и приглашенныхъ, съ »

« Высочайшаго соизволенія, свѣдущихъ, служащихъ и неслу- »
« жащихъ лицъ, извѣстныхъ своими спеціальными трудами въ »
« наукѣ или опытностью по разнымъ отраслямъ государствен- »
« наго управленія или народной жизни. На обязанность сихъ »
« коммиссій возложить составленіе законопроэктовъ въ тѣхъ »
« предѣлахъ, кои будутъ указаны Высочайшею волею. 4) Соста- »
« вленные подготовительными коммиссіями законопроэкты, пред- »
« варительно внесенія установленнымъ порядкомъ въ Государ- »
« ственный Совѣтъ, передавать, по Высочайшему повелѣнію, на »
« обсужденіе общей коммиссіи, учреждаемой на нижеслѣдую- »
« щихъ основаніяхъ. 5) Общая коммиссія, подъ предсѣдатель- »
« ствомъ лица, непосредственно избраннаго Высочайшею властью, »
« составляется: а) изъ назначенныхъ, по Высочайшему повелѣ- »
« нію, къ постоянному присутствованію въ оной лицъ, прини- »
« мавшихъ участіе въ работахъ подготовительныхъ коммиссій; »
« б) изъ выборныхъ отъ губерній, въ коихъ введено положеніе »
« о земскихъ учрежденіяхъ, и отъ нѣкоторыхъ значительнѣй- »
« шихъ городовъ; и в) изъ назначенныхъ особымъ порядкомъ »
« членовъ отъ тѣхъ мѣстностей, въ коихъ положеніе о земскихъ »
« учрежденіяхъ не дѣйствуетъ. 6) Отъ губерній, въ коихъ вве- »
« дено положеніе о земскихъ учрежденіяхъ, избирается въ составъ »
« общей коммиссіи по одному или по два члена, соображаясь »
« съ населеніемъ губерніи. Избраніе предоставляется губернскимъ »
« земскимъ собраніямъ. 7) Члены отъ значительнѣйшихъ горо- »
« довъ избираются городскими думами, въ столицахъ—по два, въ »
« прочихъ городахъ—по одному. 8) Губернскимъ земскимъ »
« собраніямъ и городскимъ думамъ предоставляется избрать »
« членовъ общей коммиссіи, какъ изъ среды гласныхъ, такъ »
« и изъ другихъ лицъ, принадлежащихъ къ населенію губерніи »
« или города. 9) Порядокъ и условія назначенія въ общую »
« коммиссію представителей отъ мѣстностей, въ коихъ положеніе »
« о земскихъ учрежденіяхъ не дѣйствуетъ, имѣютъ быть опре- »
« дѣлены особо. 10) Члены подготовительныхъ коммиссій, не »
« назначенные къ постоянному участію въ занятіяхъ общей »
« коммиссіи, присутствуютъ въ ней, съ правомъ голоса при »
« обсужденіи тѣхъ законопроэктовъ, въ составленіи которыхъ »
« они участвовали. 11) Для занятій общей коммиссіи назначается »
« опредѣленный срокъ. 12) Работы общей коммиссіи имѣютъ »

« значеніе совѣщательное. Учрежденіемъ ея не измѣняется су- »
« ществующій нынѣ порядокъ возбужденія законодательныхъ »
« вопросовъ и окончательнаго ихъ обсужденія. Разсмотрѣнные »
« общею коммиссіею законопроэкты вносятся законнымъ по- »
« рядкомъ въ Государственный Совѣтъ подлежащими министрами, »
« съ изложеніемъ и собственнаго заключенія министра. За уста- »
« новленіемъ сихъ главныхъ положеній предстояло, согласно Вы- »
« сочайшимъ указаніямъ, опредѣлить въ ближайшемъ будущемъ »
« требуемыя означеннымъ повелѣніемъ подробности касательно »
« состава, созыва и порядка дѣйствій предположенныхъ коммис- »
« сій ; а между тѣмъ центральныя учрежденія обязывались не- »
« медленно приступить къ собранію и разработкѣ матерьяловъ »
« по вопросамъ, кои будутъ подлежать обсужденію въ подгото- »
« вительныхъ коммиссіяхъ.

« Въ тотъ-же 17-ый день февраля въ Бозѣ почившій Государь »
« Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ Министру Внутрен- »
« нихъ Дѣлъ изготовить въ видѣ правительственнаго сообщенія, »
« для напечатанія въ « Правительственномъ Вѣстникѣ », оповѣщеніе »
« во всеобщее свѣдѣніе о принятомъ всемилостивѣйше рѣше- »
« ніи. Проэктъ оповѣщенія былъ изготовленъ и, по предвари- »
« тельномъ одобреніи, возвращенъ въ Бозѣ почившимъ Императоромъ »
« Министру Внутреннихъ Дѣлъ 1-го марта въ 12½ часовъ по по- »
« лудни, при объявленіи Высочайшей воли, чтобы проэктъ до »
« его напечатанія былъ выслушанъ въ засѣданіи Совѣта мини- »
« стровъ въ среду — 4-го марта.

« Но судьбы Божіи неисповѣдимы, и чрезъ два часа послѣ »
« этого многозначительнаго повелѣнія императоръ Александръ II, »
« посвятившій всѣ дни свои на благо Богомъ ввѣренныхъ ему »
« народовъ, окончилъ свой царственный подвигъ, смертельно »
« пораженный святотатственными убійцами.

« Вступивъ на прародительскій престолъ, преемникъ держав- »
« наго мученика, Императоръ Александръ III, обрѣлъ въ завѣ- »
« щанной ему предками любви къ народному благу великую »
« рѣшимость твердо слѣдовать по пути, предуказанному въ Бозѣ »
« почившимъ незабвеннымъ родителемъ.

« Усматривая въ нелицемѣрныхъ проявленіяхъ всенародной »
« скорби вящее доказательство неразрывной сердечной связи, »
« всегда, по волѣ Предвѣчнаго, соединявшей въ Россіи государя »

« съ его подданными и всегда появлявшейся съ особою силою въ »
« тяжкія годины испытаній, Государь Императоръ Александръ III, »
« при указаніи на необходимость неуклоннаго преслѣдованія »
« дерзкихъ покусителей на государственный порядокъ и обще- »
« ственное спокойствіе, всемилостивѣйше соизволилъ выразить, »
« что гнусныя злодѣянія преступной горсти безумныхъ отвер- »
« женцевъ русской земли не въ силахъ побороть въ его сердцѣ »
« рѣшимости исполнить въ точности родительскій завѣтъ любви »
« на благо ввѣренной ему Богомъ имперіи. Руководясь такимъ »
« рѣшеніемъ, Его Императорское Величество Высочайше соизво- »
« лилъ повелѣть принять къ точному исполненію изложенную »
« выше священную волю своего державнаго родителя, какъ до- »
« стойное всей его жизни прощаніе его со своимъ народомъ. »
« При этомъ Его Величеству благоугодно было указать Министру »
« Внутреннихъ Дѣлъ, чтобы самый порядокъ опубликованія во »
« всеобщее свѣдѣніе Высочайшаго по сему предмету повелѣнія »
« былъ тотъ-же, какой предуказанъ въ Бозѣ почившимъ Импе- »
« раторомъ Александромъ II.

« Подлинное подписалъ :

« Генералъ-адъютантъ графъ ЛОРИСЪ-МЕЛИКОВЪ. »

Предложеніе министра встрѣтило на первыхъ порахъ полное сочувствіе государя, какъ и показываетъ сдѣланная имъ на проэктѣ надпись: « Онъ составленъ весьма хорошо. »

Въ Совѣтѣ министровъ, созванномъ 8-го марта, по отобраніи голосовъ отъ присутствующихъ, въ пользу проэкта высказались: великій князь Владиміръ, графъ Валуевъ, Набоковъ, Сольскій, Милютинъ, Сабуровъ, Абаза ; противъ проэкта: — графъ Строгановъ, Побѣдоносцевъ, Маковъ, князь Ливенъ и Посьетъ. Мнѣнія отъ остальныхъ присутствовавшихъ не были отобраны. Отмѣтимъ фактъ, что въ оппозиціи проэкту оказались: господинъ Маковъ, подкупъ котораго раскольниками обнаруженъ былъ настолько воочію, что министру оставалось только покончить съ собой, и князь Ливенъ, роль котораго въ расхищеніи государственныхъ земель въ Уфимской губерніи вполнѣ выяснена ревизіей сенатора Ковалевскаго. О томъ успокоеніи, какое вызвало въ государѣ рѣшеніе утвердить проэктъ, можно судить по тому, что, какъ разсказывалъ потомъ Лорисъ-Меликову великій князь Владиміръ Александровичъ, проведшій въ обществѣ царя вторую половину дня, слѣдо-

вавшую за засѣданіемъ, царь выражалъ свое настроеніе, говоря: «съ плечъ точно гора свалилась.»

Реакціонная партія, разумѣется, не дремала и старалась всячески набросить тѣнь на тѣхъ, кто, подобно великому князю Константину Николаевичу, извѣстны были преданностью реформамъ. Всѣмъ памятны еще тѣ едва скрываемыя обвиненія въ государственной измѣнѣ и даже тайномъ покровительствѣ цареубійцамъ, которыми Катковъ осыпалъ бывшаго предсѣдателя государственнаго совѣта и брата покойнаго императора. Онъ дѣлалъ это тѣмъ охотнѣе, что напередъ былъ увѣренъ въ безнаказанности, такъ какъ зналъ по опыту, что Константинъ Николаевичъ никогда не унизится до требованія репрессивныхъ мѣръ противъ печати, въ интересахъ самозащиты. Но если всѣмъ памятно то боевое положеніе, какое редакція Московскихъ Вѣдомостей заняла по отношенію къ оклеветанному еще съ польскаго возстанія князю, то далеко не столь извѣстны тѣ сокровенныя пружины, которыя побуждали Каткова умножать свои навѣты. Быть можетъ, слѣдующее письмо петербургскаго сотрудника Московскихъ Вѣдомостей къ ихъ редактору прольетъ нѣкоторый свѣтъ на закулисную сторону этой столь-же гнусной, сколько и побѣдоносной интриги. «Мнѣ разсказывали изъ компетентнаго источника,» пишетъ господинъ Болеславъ Маркевичъ 24 марта 1881 года, «что два близкіе Константину человѣка, а именно князь Орловъ и А. А. Кирѣевъ, еще въ прошломъ ноябрѣ послѣ фіаско яхты «Ливадія» уговаривали его просить объ увольненіи, а послѣ воцаренія нынѣшняго государя съ особенною силою настаивали на этомъ. Но въ первый разъ онъ нашелъ средство избѣгнуть этой непріятной для него необходимости, играя въ чехарду съ дѣтьми княгини Юрьевской, а въ настоящую пору принялъ добрый совѣтъ, но былъ отговоренъ нѣкіимъ Горковенко, бывшимъ морякомъ, управляющимъ Павловскомъ, доказывавшимъ ему, что за нимъ (Константиномъ) стоитъ вся либеральная партія въ Россіи, которой онъ необходимъ и съ которой правительство должно считаться. Онъ послушался.» Сообщивши эту сплетню, господинъ Маркевичъ заканчиваетъ доносомъ: «представитель особаго присутствія Фуксъ не спитъ, говорятъ, ночей отъ страха репрессалій со стороны людей, единомышленныхъ тѣмъ, которыхъ принужденъ будетъ приговорить къ казни. И остальные ejusdem farinae.»

Такимъ образомъ, низкія инсинуаціи противъ главы высшаго правительственнаго учрежденія имѣли задачею подкопъ подъ либеральную партію, которой, впрочемъ, Константинъ Николаевичъ никогда не былъ руководителемъ, хотя заслуги его въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ всегда находили и доселѣ находятъ въ ея рядахъ справедливую оцѣнку.

Въ то время, какъ Катковъ пугалъ государя разоблаченіемъ какихъ-то преступныхъ замысловъ, якобы исходящихъ отъ членовъ его собственной семьи, и старался набросить тѣнь позорной трусости на магистратуру, давно обвиняемую имъ въ конституціонныхъ замыслахъ и тайномъ попустительствѣ, Побѣдоносцевъ убѣждалъ своего державнаго ученика стоять на стражѣ самодержавія, ввѣреннаго ему Всевышнимъ и составляющаго неотчуждаемое наслѣдіе, своего рода заповѣдное имущество, котораго нельзя умалить или растратить. Реформы, имѣвшія въ виду только усиленіе правительственнаго вліянія, сообщеніе ему большаго единства и расширеніе его основъ въ обществѣ, выдаваемы были за своего рода либеральное coup d'état. Общая коммиссія изъ земскихъ дѣятелей, выбранныхъ обществомъ и надѣленныхъ однимъ совѣщательнымъ голосомъ, изображалась подобіемъ французскаго учредительнаго собранія 1789 года.

Государь отступилъ предъ тяжестью принимаемой на себя отвѣтственности. Предложенное имъ самимъ новое особое совѣщаніе для обсужденія проэкта Лорисъ-Меликова не состоялось и взамѣнъ всѣхъ ожиданій русское общество, неповинное въ страшной судьбѣ царя-освободителя, получило со стороны его наслѣдника монаршее увѣреніе въ недовѣріи и нежеланіи поручить ему заботу общественнаго обновленія.

Такъ кончилась эта скромная попытка примиренія культурныхъ классовъ съ бюрократіей и абсолютизмомъ; такъ устраненъ былъ единственный путь къ мирному развитію русскаго народа и завершенію тѣхъ реформъ, начало которымъ было положено 19-го февраля 1861 года. Мы закончимъ этотъ очеркъ повтореніемъ словъ покойнаго графа: «Время покажетъ, кто былъ правъ.»

Библиотека Института В. И. Ленина

ESPAGNE.

Barcelona. — « La Democracia Social », Calle de Bilbao, 202.

HOLLAND.

Amsterdam. — S. L. Van Looy, Bookseller.

FRANCE.

Paris. — 1) Neal's Library. 248, rue de Rivoli ; 2) Red. « Pobudki » 16, rue de l'Arbalète.
Nice. — Librairie Viale, 25, Avenue de la Gare.
Cannes. — Librairie Lanoix, rue Hoche.

OESTERREICH.

Wien. — August Schulze. I. Franzensring, 16.

GALICIJA.

Lwow. — Ksiegarnia Altenberga.
Коломија.—Редакція « Народъ ».

ROUMANIE.

Bucaresci. — Librari Socec & Comp.
Galatz. — Librari Nebunelli.
Jassy. — Fratii Saraga, Librari.

SUEDE

Stockholm. — Looström & Komp., Bokhandel, Basaren à Norbro.

SUISSE.

Basel. — C. Schmidt. Buchhandlung.
Bern. — Ibid.
Davos. — Ib.
Interlaken. — Ib.
Lucerne. — Bahnhof.
Lausanne. — Bibliothèque-Brocher.
Montreux. — Librairie Benda.
Génève. — 1) H. Georg. Librairie ; 2) M. Elpidine. Librairie ; 3) Русская Читальня ; 4) Типографія « Соц.-Демократа », 505, Route de Lancy.
Zurich. — 1) C. Schmidt. 3, Post Str ; 2) Centralbahnhof ; 3) Русская Читальня.
Vevey. — Librairie Benda.

SOUTH AFRICA.

Transvaal. Johannesburg. — Library Goldreich.
— **Johannesburg.** — Dr. Rubinstein, Box 911.

SOUTH AMERICA. ARGENTINA.

Buenos Aires. — Vercin Vorwärts, Calle Rincon, 764.

JAPON.

Нагасаки. — Въ англійскихъ книжныхъ магазинахъ.

ИЗДАНІЯ ФОНДА:

—o—

1-ый выпускъ. «Чего Намъ Нужно» и «Начало Конца.» **С. Степняка.** Два изданія, 8,000 экз. Цѣна 2 пен. (25 сант.; 10 центовъ).

2-ой выпускъ. «Заграничная Агитація». 5,000 экз. **С. Степняка.** Цѣна 2 п. (25 сант.; 10 центовъ).

3-ій выпускъ. «Еврей къ Евреямъ». **Е. Хасина.** 5,000 экз. Цѣна 4 п. (40 сант.; 20 центовъ).

4-ый выпускъ. «И. К. Домбровскій». Членъ «Пролетаріата». (Революціонеръ-Самоучка). Біогр. Очеркъ. 5,000 экз. Цѣна 2 пен. (25 сант.; 10 центовъ).

5-ый выпускъ. «Чудная.» Очеркъ. **В. Короленко.** 5,000 экз. Цѣна 1 п. (10 сант.; 5 центовъ).

6-ой выпускъ. «Подпольная Россія». **С. Степняк.** 5,000 экземпл. Цѣна 2 ш. (2,50 фр.). (Печатается.)

7-ой выпускъ. «Конституція, графа Лорисъ-Меликова». 5,000 экз. Цѣна 3 п. (30 сант.; 6 центовъ).

8-ой выпускъ. Чему учитъ «Конституція графа Лорисъ-Меликова». **Ф. Волховскаго.** 5,000 экз. Цѣна 3 п. (30 сант.; 6 цент.). (Печатается).

* * *

Готовится новый выпускъ изданій Фонда. «Нашимъ дымомъ понесло». **Ф. Волховскаго.**